

ВИТАЛИЙ НАДЫРШИН

НЕ ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

16+

Виталий Надыршин
Земля необбетованная

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Надыршин В. А.

Земля необетованная / В. А. Надыршин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Евреи – понятие не географическое, а этнографическое. События, которые описаны в этой книге - не научный трактат об истории заселения евреев в Крым на заре становления советской власти, совсем нет. Автор попытался рассказать о разных эпизодах из того времени, некоторые из которых, на первый взгляд, напрямую не связаны с жизнью еврейских поселенцев на полуострове. В Советском государстве «еврейский вопрос» претерпевал удивительные метаморфозы. Так сложилось, что своеобразным катализатором в «еврейском вопросе» в то время оказался Иосиф Сталин. Вопросов, связанных с переселением евреев в Крым и организации их автономии, было великое множество, порой непонятных и, во многом, неразрешимых... И вот прошли десятки лет, время должно было всё расставить на свои места, дать ответы на главные вопросы: почему не сложилось, и кто виноват... Странно, но твёрдого ответа на этот вопрос нет и по сей день...

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
«Джойнт»	9
Великая идея. Село Кривое озеро	12
Крымские кибуцы. Колония «Икор»	28
Первая выставка	34
Процесс пошёл	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Аннотация

Все события в мире имеют множество версий своего возникновения, но только одна имеет право на истину.

Евреи – понятие не географическое, а этнографическое. Само название «еврей» происходит от древнееврейского слова «иври», что в переводе означает «пришедший с другой стороны из-за реки».

В Библии говорится, что праотец евреев Авраам пришел на дарованную Богом землю из-за реки Евфрат.

Так ли это или нет, но остаётся фактом, что история этого народа насчитывает более пяти тысячелетий. Впечатляет...

Но мы не будем заглядывать так далеко, а попытаемся узнать историю заселения евреев хотя бы в Крыму, потому что, и это тоже непростая история.

События, которые описаны в этой книге не научный трактат об истории заселения евреев в Крым на заре становления советской власти, совсем нет. Автор попытался рассказать о разных эпизодах из жизни того времени, некоторые из которых, на первый взгляд, напрямую не связаны с жизнью еврейских поселенцев на полуострове, но, так или иначе, отрицательно повлиявшие на всю эту историю.

В советском государстве «еврейский вопрос» претерпевал удивительные метаморфозы. Разговоры об автономии на территории Советского Союза велись постоянно. Несмотря на своё отрицательное отношение к мировому сионизму из-за его реакционности, тему заселения евреев в Крым неоднократно затрагивал и Владимир Ильич Ленин.

С одной стороны граждане этой национальности в России получили уникальные для того времени права и возможности, но с другой – они, как и впрочем и другие национальности, когда прошёл угар революционной эйфории активно притеснялись. Причины притеснения разные, и не последнюю роль здесь играла Еврейская секция ВКП(б), объявившей международный сионизм «основной контрреволюционной силой» в еврейской среде, но она же – секция, активно продвигала идею организации еврейской автономии на территории СССР.

Так сложилось, что своеобразным катализатором в «еврейском вопросе» в то время оказался Иосиф Сталин.

Вопросов, связанных с переселением евреев в Крым и организации их автономии, было великое множество, порой непонятных и, во многом, неразрешимых. Они бесконечной вереницей цепляются друг за другом, создавая клубок политических и личностных коллизий. Где – правда, где – вымысел? – не понятно.

Современному читателю, наверное, знать все нюансы тех событий возможно и не требуется: утомительно. Однако, хоть ненадолго очутиться в том времени и узнать хотя бы основные причины не позволившие создать Еврейскую автономную республику на крымском полуострове, нужно. Как и знать: а так ли уж виноват в этом Иосиф Сталин и руководство Советского Союза, как и их решение по депортации из Крыма во время Второй мировой войны татарского народа?

И вот прошли десятки лет и, вроде бы, время должно было всё расставить на свои места, дать ответы на главные вопросы: почему не сложилось, и кто виноват... Странно, но твёрдого ответа на этот вопрос нет и по сей день.

А так ли это...

Земля необетованная

Пролог

Не вините прошлое, господа!

Его создавали ваши предки.

11.10.2013 г.

Президенту Соединённых Штатов

Америки Бараку Обаме.

Господин Президент Соединённых Штатов Америки!

Комиссия по требованию компенсаций ветеранов интернационального движения крымско-татарского народа, борющихся за равноправие и справедливость просит вас принять наши искренние уверения в нашем самом высоком уважении к Вам лично и великому американскому народу.

08 октября 2013 года в Симферополе состоялось собрание Комитета по требованию компенсаций ветеранов Национального движения крымско-татарского народа, на котором было принято Обращение к Президенту Соединённых Штатов Америки.

Направляем Вам данное Обращение для сведения и принятия решений.

Копия данного Обращения направлена Президенту Украины, руководству ЕС, главам государств – членов ЕС, главам государств – членов СНГ, а также в ведущие информационные агентства мира.

Ответ просим предоставить по адресу:

95011, Украина, АР Крым, г.Симферополь, ул. Кирова 3/5, Дагджи Т.Ш.

С уважением,

Председатель Комитета по требованию

Компенсаций ветеранов Национального движения

Крымско-татарского народа.

Тимур Дагджи

Приложение – 3 листа.

Вот такое письмо с Приложением на трех листах отправили крымские татары в адрес президента США.

8 октября 2013 года в городе Симферополе ветераны Национального движения крымских татар на своём учредительном собрании создали «Комитет по требованию компенсаций», на котором утвердили «Обращение к президенту Соединённых Штатов Америки Бараку Обаме».

Ветераны просили президента США от имени своего государства принести публичные извинения крымско-татарскому народу и компенсировать моральный и материальный ущерб, понесённый крымскими татарами в результате насильственной депортации их из Крыма в 1944 году.

В данном письме было указано, что предлогом выселения татар и других жителей Крыма был в определённой степени коллаборационизм¹ крымских татар в ходе Второй мировой войны. Да, тысячи крымских татар пошли в услужение немцам, и они зверствовали во время немецкой оккупации – это факт, но, как писали татарские ветераны: «Обвинять поголовно всех татар, живущих в то время в Крыму – блеф и клевета. Это был лишь повод для освобождения территории полуострова от крымских татар. Для кого?..»

Архивные документы и воспоминания очевидцев событий тех лет говорят, что настояли на этом Соединённые Штаты Америки.

¹ Добровольное сотрудничество с врагом в ущерб своему государству.

В ходе войны с фашистской Германией, США – «самое демократическое государство», воспользовавшись крайне тяжелым положением разорённого войной Советского Союза, вынудило Сталина принять решение о зачистке Крыма от татарского населения.

«Мы ни в коей мере не снимаем вину со Сталина за всю трагедию нашего народа, – писали ветераны в письме. – Но, лично Рузвельт, руководивший тогда Соединёнными Штатами и его окружение, несут такую же, если не большую, ответственность за геноцид крымско-татарского народа и за все убытки, понесенные ими в результате депортации»

В 1943 году в разгар войны на конференции в Тегеране президент США Франклин Делано Рузвельт потребовал от Сталина реализации некоего «Крымского проекта», известного также как «Крымская Калифорния», угрожая в противном случае прекращением поставок по Ленд-лизу и оттягиванием сроков открытия Второго фронта. И первый практический шаг в этом направлении, настаивал Рузвельт, – выселение части жителей полуострова, и в первую очередь мусульман-татар за пределы Крыма, что Советский Союз в 1944-ом году и сделал. После чего, поставки по Ленд-лизу продолжились, и, наконец-то, был открыт Второй фронт.

«Так кого винить в нашей трагедии? – спрашивают в обращении убеждённые сединами старики-татары. – И почему, виновная в геноциде евреев Германия, выплачивает Еврейскому государству компенсацию его гражданам, а о роли США в насильственной депортации крымского народа никто даже не вспоминает. Где справедливость?»

Данное письмо и обращение крымских татар в 2013 году было отправлено в адрес правительств 71-ого государства.

Конечно, ответа из Соединённых Штатов не последовало и по сей день. И это не удивительно...

Не может «великая» страна под придуманными ими же лозунгами о демократии (в их понимании), развязавших в десятках стран мира войны, приносить за свои разрушительные поступки извинения какому-то немногочисленному народу, пусть и с вековыми традициями. Ещё чего!.. Иначе придётся извиняться и перед многими другими странами, начиная с индейцев, выселенных со своих территорий и загнанных в резервации на заре возникновения самих Соединённых Штатов...

Вам, читатель, ничего не напоминают события наших дней?.. Югославия, Египет, Ирак, Ливия, Грузия, Украина, Молдавия, Венесуэла... А ещё ранее Корея, Вьетнам и прочие страны...

Ну, это так – отступление. Вернёмся к нашей истории.

Так что же это за проект такой «Крымская Калифорния», из-за которого президент США пусть вежливо, с неизменной американской улыбкой, вынудил грозного лидера СССР Иосифа Сталина депортировать с обжитых веками мест целый мусульманский народ? Только ли для того, чтобы заселить многострадальный народ другого вероисповедания – евреев?.. Или это был предлог для размещения на Чёрном море американского военного флота?

Давайте углубимся немного в историю.

Часть первая

...И глаголет Господь: «Евреи, племя Аврамово, избранный народ Божий, любимый сын Еговы, получил от меня самые счастливые обетования² и имеет самую удивительную историю».

Вот и живёт еврейский народ в ожидании собственной, обещанной самим Господом, земли...

² Обещание.

«Джойнт»

Лето 1914 года было не жарким, и потому осень – красивая, взрывная своим буйством красок и от того яркая, – поражала воображение, хотелось всё бросить и остаться навсегда в этой красоте...

Да, такая здесь осень – самое приятное время года на побережье [Атлантического океана](#) в юго-восточной части [штата Нью-Йорк](#). И свежий осенний морской бриз, и ласковые солнечные лучи над островом Манхэттен³, и вечерний променад по улицам и паркам... Красота!..

Но берегитесь приезжие и потерявшие бдительность горожане! Именно в это время, вы можете пожалеть о своей прогулке по улицам Нью-Йорка или прогуливаясь в парках по ярким разноцветным коврам, сотканным из опавших листьев. Внезапно возникший в океане ураган набросится на город и мгновенно разрушит ваше очарование природой и благостное состояние души, в котором вы только что находились. А потом – ливень, потоки воды, и тяжёлые мокрые листья будут хлестать вас по лицу... Брр...

И этот каприз природы на перекрёстке двух улиц – Чамберс-стрит и Центр-стрит пришлось испытать двум джентльменам, беседующим на обзорной площадке только-только выстроенного 40-этажного офисного здания. Завершала этот небоскрёб монументальная восьмиметровая фигура Гражданской Славы, сверкая под лучами солнца медной, словно позолоченной поверхностью.

Стоя босиком на огромной сфере, одетая в струящееся платье с лавровым венком в одной руке, щитом и ветвью лавра в другой, фигура отождествляла победу и триумф. Впечатляет!..

К тому же, в основании этого огромного делового центра проектировщики спроектировали станцию городской подземки. Именно эти новшества – метро в подвале дома и архитектурное излишество в виде огромной фигуры, выгодно отличало новое сооружение от других бетонных мастодонтов Нью-Йорка.

Шумное торжество, связанное с передачей мэру города Джону Митчеллу – молодому тридцатипятилетнему красавцу символического ключа от делового центра, час назад закончилось. Банкиры, лидеры партий, гости и бизнесмены-арендаторы, разбрелись по этажам.

Двое соучредителей строительства, один из которых совладелец банка [«Kuhn, Loeb & Co»](#) Джейкоб Шифф, человек не молодой, спокойный и рассудительный, его товарищ, тоже далеко не бедный, слегка импульсивный, как все евреи весьма способный в своём деле адвокат Льюис Маршалл. Оба выразили желание осмотреть город с высоты небоскрёба, выстроенного, в том числе, и за их деньги.

И день, поначалу, был действительно прекрасным. Адвокат разглядывал прилегающие к зданию улицы Нью-Йорка, казавшиеся ему с высоты ста восьмидесяти метров серыми тоненькими ручейками с кишашими в них мальками – людьми, и громко выражал своё удивление; банкир, как более сдержанный, сидел в кресле и внимательно вчитывался в столбцы статей газеты «Нью-Йорк таймс».

– Уже и не верится, мистер Шифф, что строительство закончилось. Эти семь лет стройки казались мне бесконечными, – с удовлетворением произнёс Маршалл. – Надеюсь, наши инвестиции вернуться к нам с прибылью. Как думаете?

– Надеемся, Льюис, надеемся, – сняв с головы старомодную шляпу и скептически взглянув на возвышающееся над головой архитектурное излишество, вяло пробурчал банкир: – Меня больше волнует...

Шифф потряс перед собой газету. – События в Европе. Хотел бы я знать истинный мотив убийства этим сербским придурком Принципом наследника престола Австро-Венгрии.

³ «Манахэта» – племя индейцев в начале 17-ого века, обитающее в устье реки, впоследствии названной Гудзоном.

– Узнать?.. Да, что это уже даст? Война объявлена. Россия заступилась за Сербию. Французы и англичане поддержали её.

– Ну, воевать-то, я уверен, будут русские. Немного французы!.. Англичане?!.. – Шифф покачал головой и усмехнулся. – Не уверен! Противники, особенно Германия, далеко не слабые с обеих сторон. Ну, австрияки – понятно, противоречия с Россией очевидны. А какие, позвольте узнать, претензии России к Германии? Царю Николаю и кайзеру Вильгельму, мне кажется, делить между собой нечего! Или вот – Болгария? Я хоть и не люблю русских, но чего она-то прёт против России? Забыли, как русские братушки их от османов освободили? Неблагодарные...

– Хочется верить, что выяснение между собой отношений европейских монстров не приведёт к большой крови, – перегнувшись через парапет, чтобы лучше видеть свадебную процессию, чинно входившую в это время в здание, произнёс адвокат.

– Вы, Льюис – адвокат, а газет не читаете, что ли? Не будет малой крови. Европа на пороге кровавых событий.

– А хоть и так! Без нас Европа разберётся, мистер Шифф. Давайте лучше поговорим о телеграмме из Константинополя, что пришла в конце августа. Наш посол в Турции телеграфирует о голоде наших единоверцев в Палестине. Это серьёзно! Генри Моргенто⁴, которого я лично знаю, зря бить тревогу не будет.

– И большая сумма?

– Пятьдесят тысяч долларов, просит он.

Джейкоб Шифф задумался. Затем он отложил в сторону газету, достал из внутреннего кармана небольшой блокнот, полистал его, и произнёс: – Помочь надо, конечно. В кассе нашего общественного комитета, если мои записи верны, тысяч тридцать наберётся.

Шифф посмотрел на коллегу, и добавил: – Помочь надо. Тысяч двенадцать-тринадцать мне придётся самому выделить. Наш банкир Вартбург тоже не откажет. Натан Штраус остальную сумму добавит.

– А добавит?

– Непременно. Неугомонный старик. То библиотеки организывает, то медицинские центры для населения... А сейчас активно выступает за пастеризацию молока. Настроил станций в трёх десятках городов. Мы с ним почти одноклассники – ему шестьдесят шесть, мне на год больше, а энергии у старика Натана?!..

– Натан Штраус удивительный старик, согласен. Но, я вот что думаю, мистер Шифф. Война в Европе, с ваших слов, дело затяжное, а потому разовыми суммами помощи нашим единоверцам евреям мы не обойдёмся.

– А ведь вы правы, Льюис. Совсем не дурно будет объединить подобные комитеты в одну, но мощную организацию. Вы же помните конгресс в Базеле в 1897 году? Что сказал, Теодор Герцель?.. «Надо заложить краеугольный камень дома, который станет убежищем для еврейского народа». Замечательные слова, Льюис. А для этого нужны большие средства.

– Верно, мистер Шифф. Правильно сказал Герцель относительно единого еврейского дома. Относительно же места этого дома, как я помню, мнения конгресса разделились. Одни Палестину тогда предлагали, другие – в том месте мира, где это удастся. И надо...

Неожиданно сильный порыв ветра сдул со стола газету, за ней было тронулась шляпа банкира, но Шифф успел её изловить. Потянуло холодом. Небо сразу стало свинцовым.

Мужчины удивлённо переглянулись. И тут, словно из ведра, полил дождь. Потоки воды на крыше забурили, образуя в сточных отверстиях водовороты.

⁴ Посол США в Турции.

Задрав на голову пиджак, Льюис Маршал бросился к спасительным дверям, ведущим к лифтам. Джейкоб Шифф водрузил на голову шляпу и с невозмутимым видом направился вслед за своим товарищем.

Для справки:

В конце ноября 1914 года крупные еврейские организации США объединились, дав название новому еврейскому сообществу – «Джойнт»⁵.

Первым председателем этой организации стал еврей Феликс Варбург, известный финансист и филантроп германского происхождения. Во время [Первой мировой войны](#) «Джойнт» пересылал деньги через посольство [США](#) в [Петрограде](#) всероссийскому Еврейскому комитету помощи жертвам войны. В Германии «Джойнт» работал с «Еврейским комитетом помощи Польше и Литве». До конца 1917 года «Джойнт» перевел в [Россию](#) более двух с половиной миллионов долларов, три миллиона в Польшу и Литву, полтора миллиона – в [Галицию](#) и 76 000 в [Румынию](#).

Всего за годы Первой мировой войны объём оказанной «Джойнтом» безвозмездной помощи евреям составил более 16-и миллионов долларов.

В первой половине 20-ого века подобная деятельность резко повысила статус «Джойнта» и популярность американского еврейства в мире.

⁵ Американский еврейский объединённый распределительный комитет.

Великая идея. Село Кривое озеро

... Богат Крым историей – как пишут в школьных учебниках. И это правда!

Ещё со времён палеолита, неолита и эпохи бронзы сохранились здесь следы былого времени. В древнегреческих мифах и землеописаниях немало места уделено Тавриде⁶ и омывающему её берега Понту Эвксинскому⁷.

Здесь промышляли (а скорее грабили) известные нам по греческим мифам аргонавты: искали золотое руно (считай золото), не брезговали они и тем, что из ценного попадалось им под руку.

В то далёкое прошлое жили в Тавриде многие народности: греки, киммерийцы, тавры и скифы (это те, что с раскосыми и жадными глазами). А ещё готы, сарматы, аланы, генуэзцы и всякие там разные народы – всем нравились благодатные земли в окружении тёплых вод Понта, все хотели поселиться на территории Тавриды... Вот и воевали племена и народы друг с другом: грабили, сжигали города и селения, брали в полон... Какой тут мир?!.. Шли войны, войны...

В первой четверти XIII века на земли Тавриды стали совершать набеги золотоордынские татары, а уже к середине века они заняли полуостров окончательно, превратив его в один из улусов своего гигантского государства. Но уже в середине следующего века влияние Золотой Орды ослабло.

Свято место пусто не бывает (мы это с вами знаем наверняка): на землях Тавриды сформировалось самостоятельное крымско-татарское ханство, но вот незадача – ненадолго. Через пару десятков лет на полуострове появились турки, и в середине XV века они подмяли под себя татар. Султан Османской империи назначил главу одного из знатных татарских родов крымским ханом с правом представителю этого рода пожизненно возглавлять ханство, естественно, с согласия и под контролем султана. И зажили сюзерен и вассал дружно. Вместе стали совершать кровавые набеги на соседние страны, в том числе и Россию... И это продолжалось долго. Русь терпела...

Но вот на российский престол взошла Екатерина II. Войны России с Турцией в конце ослабили Османское государство. Дабы прекратить варварские набеги татар на свои территории Россия в 1772-1774 годах отвоевала у турок независимость для крымского ханства и заключила с ним мирный обоюдovýгодный договор, – мол, живите татары, размножайтесь, торгуйте, будьте, в конце концов, порядочными соседями. Но турки этим мирным отношениям воспротивились и стали сеять между жителями Крыма вражду, используя разногласия среди татарской знати, которая никак не могла договориться меж собой: к России или к Турции примкнуть. На полуострове началась междоусобица. И вскоре, в Крымском ханстве вспыхнула настоящая гражданская война. Дабы прекратить братоубийственную вражду светлейший князь Григорий Потёмкин убедил татар принять российское подданство. И в 1783 году при согласии большинства представителей ханства и самого крымского хана Шахин-Гирея, отказавшегося от престола в пользу России, без единого выстрела, князь принял от татар прошение на имя российской императрицы о добровольном присоединении крымского ханства к России...

И в апреле 1783 года вышел указ императрицы и самодержицы всероссийской, и прочая, и прочая, и прочая божьей милостью Екатерины Второй о вхождении Крыма в состав российской империи.

Вот такая, понимаете ли, предистория!

⁶ Крымский полуостров.

⁷ Чёрное море.

Однако, оставим далёкое прошлое, и окунёмся в ближайшие, не менее интересные события.

...Шла Первая мировая война. Россия, Великобритания и Франция воевали против Германии. Но в 1917 году в России случилась революция. В октябре того же года партия большевиков взяла в стране власть. Бывшие союзники по Антанте⁸ встревожились, что власть в стране захватили прогерманские силы (а может быть, так оно и было?), и это им очень не понравилось. «А кто же воевать будет против Германии, а возвращать нам царские долги?», – рассуждали бывшие союзники. И страны Антанты решили срочно поддержать антибольшевистские силы в России.

И вот, оккупационные войска ещё недавних союзников и примкнувшие к ним более десяти стран Европы, прикрывшись разными, отвлекающими от истинных целей лозунгами, вторглись в Россию, ослабленную Первой мировой войной и внутренними беспорядками. Недавние союзники разделили всю территорию России на зоны ответственности. Великобритания достались Кавказ и казачьи области, Франции – Бессарабия, Украина и Крым. На долю США и Японии – Сибирь и Дальний Восток.

И Крым опять стал территорией раздора...

Нет, конечно же, не из-за евреев, совсем нет: евреи – мирная нация. Их тогда на полуострове проживало более пятидесяти тысяч, и занимались они, никому не мешая и ни на что не претендуя, в основном своим привычным делом – торговлей. Часть еврейского населения работала врачами, музыкантами, учителями, проживая в основном в городах и крупных населённых центрах полуострова.

В Крыму текла тихая мирная жизнь с её весенним благоуханием природы, просыпавшейся после не очень холодной зимы, полуденной летней жарой и душным зноем и, конечно, воспетой многими поэтами, прекрасной крымской осени.

На полуострове функционировали синагоги, работали еврейские школы, женские и мужские училища.

Посильную помощь малоимущим еврейским семьям оказывали различные международные сионистские организации.

Так бы и текла жизнь в благодатном Крыму, но волны революции в виде гражданской войны докатились и до южных окраин России.

И пошло, и поехало...

Для справки.

Март 1918 года – в Крыму провозглашена Советская Социалистическая Республика Таврида в составе РСФСР⁹ со столицей в городе Симферополь. Насилиями, грабежами и бесчинствами – таким запомнился жителям полуострова приход красных войск.

Апрель-ноябрь 1918 года – Крым оккупировали немцы и украинские войска. Крымско-татарские националисты арестовали руководителей республики, после чего расстреляли.

С ноября 1918 по ноябрь 1920 года полуостровом владели войска Антанты и генералов Деникина и Врангеля. Главой правительства Крыма стал еврей-караим Самуил Нейман (Крым). Деятельность сионистских организаций на полуострове усилилась.

Но вот опять началась смена власти. Белая армия и иностранные войска на кораблях стали покидать главную военную базу Крыма – Севастополь.

Около ста пятидесяти тысяч граждан Великой империи, из них до пятидесяти тысяч офицеров и солдат, не считая членов судовых команд, покидали Россию. И это было печальное зрелище.

⁸ Антанга – «соглашение», [военно-политический блок России, Великобритании и Франции](#),

⁹ Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

Не решаясь играть «Боже царя храни», на причале, где шла погрузка войск и населения на корабли, военный оркестр играл погребальный хорал¹⁰. И под это унылое, безнадёжное звучание духовых инструментов, и генералы, и офицеры, и солдаты, не говоря уже о гражданском населении, не стесняясь слёз, плакали.

В ноябре 1920 года большевики освободили всю территорию Крыма, после чего значительная часть евреев эмигрировала с покидавшей Россию армией Врангеля. Многие евреи переехали в другие области страны.

В октябре 1921 года на территории полуострова была образована Автономная Крымская Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР.

С восстановлением на полуострове советской власти сионистские и разные просветительские международные организации были ликвидированы, а большинство синагог закрылось.

Экономика страны была в упадке. Молодому государству нужно было завоёвывать международный авторитет, при котором оно могло бы получать из-за рубежа кредиты и технологии для развития промышленности. Но капиталисты не спешили оказывать помощь стране, где власть неожиданно для всего мирового сообщества стала принадлежать народным массам, так, по крайней мере, декларировало советское правительство во главе с ранее не очень известным политиком Ульяновым с партийной кличкой Ленин. И этот политик – Владимир Ленин, всё чаще стал высказывать мысль, что архиважную помощь в налаживании дипломатических и торговых отношений с зарубежными странами может оказать международное еврейское сообщество.

В руководстве страны в то время было много граждан еврейской национальности и, естественно, идею Ленина подхватили.

Политический деятель и экономист Юрий Ларин¹¹ предложил использовать авторитет евреев, живущих за рубежом и имеющих большой политический вес и влияние в обществе. Для этих целей, говорил он, необходимо прислушаться к мнению еврейской сионистской организации «Хе-Халуц» и выделить российским евреям малопригодные земли северного Крыма. А в случае положительного эффекта от их деятельности, добавлял он, создать на их основе еврейские национальные районы с последующей организацией еврейской автономии на полуострове.

Надо сказать, идея Ленина и предложение Ларина с переселением евреев в Крым и выделением им собственной территории была далеко не новой и до них.

Ещё в царской России в экономическую часть программы реорганизации страны известных нам «декабристов» был включён пункт перевода российских евреев на сельское хозяйство; районом для этого уже тогда был намечен Крымский полуостров.

В начале двадцатых годов Советская Россия заключила торговые соглашения с рядом государств, включая Великобританию. Обратилась Россия и к США с предложением наладить торговлю между странами. Однако, американцы ответили отказом. Французы тоже отвергли предложение русских «безбожников».

Официальное переселение евреев в Крым, действительно, могло дать толчок к налаживанию отношений с ведущими капиталистическими странами, особенно с США и Францией, где влияние еврейского общества на правящие круги было наиболее существенным.

И советское правительство, возглавляемое Лениным, согласилось на реализацию еврейского проекта, тем более, в стране началась экономическая реформа – НЭП¹². С присущим пролетарским энтузиазмом, власти страны принялись за продвижение этой идеи в жизнь.

¹⁰ «Коль славен наш Господь в Сионе...»

¹¹ Ихи́л-Михл За́лманович Лу́рье (1882-1932). Советский деятель, экономист.

¹² Новая экономическая политика.

Дело сдвинулось с мёртвой точки.
На полуостров Крым потянулись евреи...
Итак...

...Село Кривое Озеро на юге Украины появилось ещё во второй половине восемнадцатого века. Оно ничем не отличалось от своих соседей – деревень, разбросанных по берегам реки Кодыма и заросших камышом озёр.

Мало чем оно отличалось и в двадцатом столетии. Те же похожие друг на друга избы, покрытые почерневшей от частых дождей соломой, чёрные от той же сырости и ветхости деревянные срубы-баньки, и одиноко стоявшие по углам дворов отхожие места, продуваемые всеми ветрами. Правда, были и добротные дома зажиточных крестьян, из которых часть строений была перекрыта металлом и даже черепицей.

Сёла жили дружно, женихами и невестами за пределы своих территорий особо не разбрасывались, а потому, как минимум вёрст на сто вокруг основная масса жителей была в родственных отношениях. Правда, несмотря ни на что, традиции соблюдались: еврей женился на еврейке, обрусевший поляк на полячке, немец на немке, ну, и так далее. Русские и украинцы особо не привередничали: в жёны брали все, кто покрепче, покрасивши и поласковее. Так и жили...

После прихода в эти края советской власти жизнь сельчан, прямо скажем, не улучшилась – наоборот, жить стало труднее и опаснее.

Махровым цветом в этих краях расцвёл бандитизм. Сёла грабили все. И остатки армий Деникина и Врангеля – «белые», и «чёрные» – махновцы, и «красные» – дезертиры из Красной Армии. А ещё, «жёлто-голубые» – петлюровцы, «зелёные» – бандиты всех мастей...

Банды терроризировали местное население: вырезали и грабили сочувствовавших большевикам крестьян и «жидов». То в одном селе, то в другом, власть переходила от одной банды к другой. И каждый раз жителей сгоняли на митинги, где атаманы призывали их вступать в ряды своих «войск»...

Не отставали от «лихих людей» и сами крестьяне: зажиточные боролись и с бандами, и с советской властью; беднота, которой терять было нечего, боролась только с бандитами. Зато все вместе они сопротивлялись продразвёрстке и реквизициям, воюя с агентами «Заготзерна» и «Заготскота».

В общем, чего там говорить, беспокойно было в сёлах – опасно. Днём и ночью могли подстрелить из «обреза» на улице, выстрелить в окно или поджечь хату ночью. Горели сельсоветы, еврейские жилища, синагоги, и дома местных активистов.

Передвижение по сельским районам было возможно лишь «с оказией», то есть с отрядом красноармейцев.

А вот раньше, края эти были спокойными и благодатными. Река, когда именно трудно сказать, была ещё судоходная, под парусами и на вёслах сновали купеческие барки. Деревянные причалы ломились от грузов: корзины, мешки, живность, а ближе к осени – горы сочных, херсонских арбузов, фруктов и овощей. Красота! Жизнь в старину кипела.

Места эти, надо сказать, те ещё – с историей. Как гласят предания, ближе к концу семнадцатого века именно здесь, на речке Кодыма, как раз в районе озера с заболоченными и извилистыми берегами, давшее позже название нашему селу, казацкие войска напрочь разбили ногайских татар крымского ханства, идущих на разграбление Киева.

А через сорок лет, здесь же, армия русского фельдмаршала Миниха опять нанесла поражение тем же татарским войскам, грабившим южные территории русского государства. То были первые победы русских над алчными ханами Крыма.

После этих успехов берег Кодымы облюбовали запорожцы. Во второй половине восемнадцатого века, а точнее в 1764 году, помимо села Кривое Озеро в четыре десятка дворов,

образовались небольшие слободы Голта, Ясенево, и самая большая и зажиточная в триста дворов, слобода Гольма.

В девятнадцатом веке река Кодыма служила естественной границей между Подольской и Херсонской губерниями.

Но, теперь это всё в прошлом.

Недалеко от озера, на косогоре, сразу у просёлочной дороги, спускающейся к главной улице села с её вечными ямами, колдобинами и непролазной грязью весной и осенью, в окружении серых соседских построек, стояло небольшое подворье с двумя покосившимися сараями и «нужником» позади дома. Усадьба эта принадлежала еврею Лейбу Гершелю.

Конечно, как и все обрусевшие в этих краях ещё во времена Екатерины II евреи, богатством Лейб не выделялся. Имел он сварливую жену-еврейку, обременён был большой семьёй и, как и многие евреи, обладал совсем неплохой профессией. Нет, Гершель не был ни музыкантом, ни ювелиром, ни, боже ты мой, банкиром... Лейб был портным. Правда, из-за своей лени, его рукотворные изделия дальше близлежащих сёл сбыта почти не имели.

Зато наш портной любил пофилософствовать, и тут уж он был неудержим в своих фантазиях. На какие темы?.. – Не важно, – говорил он, – были бы уши, а тема у меня всегда найдётся.

Судя по доносящимся со двора крикам его жены Руфы во время очередных семейных ссор с непутёвым супругом, женщины в селе уважаемой, дочери не менее уважаемого зажиточного еврея из соседнего села, помимо прочего владельца пивоваренного заводика, темы для пустых фантазий у Лейба действительно хватало, и они были разные. Однако, как и принято у сынов Аврамовых, жили Гершели сравнительно дружно.

В шаббат¹³ не работают, не готовят пищу, не занимаются домашним хозяйством, а потому, заранее приготовив положенные двенадцать хал¹⁴, чтобы славить дарованный богом день лентяя, семейство с утра в полном составе посещало синагогу.

Руфа расфуфыривалась, втискиваясь в коричневое платье из сукна, подаренное ей родителями после рождения ещё первенца, повязывала косынку с цветочками, которую всегда одевала в синагогу на судный день и на Рош-Гашоно¹⁵.

Лейб тоже прихорашивался. По такому случаю, он даже мыл голову, приглаживал свои вечно нечесанные пейсы, нахлобучивал на голову чёрную шляпу с широкими полями, которую, как и жена косынку, одевал только по таким праздничным дням. Ну, и в завершении наряда, Лейб напяливал на светлую холщёвую рубашку, сидящую мешком на его тощих плечах, чёрную, праздничную жилетку. После чего, Лейб, выстраивал перед собой детей на инструктаж. Пока отец собирался с мыслями, старшие сыновья за его спиной строили друг другу рожицы, младший – Семён, глядя на братьев, показывал им язык, не забывая дёрнуть за волосы совсем маленькую сестрёнку.

Наконец, отец семейства произносил соответствующую речь, согласно какого либо праздника или знаменательной даты, затем к инструктажу приступала мать. Она напоминала своим отпрыскам, чтобы в синагоге не забывали прочесть молитву «кадиш»¹⁶ и строго настрого наказывала вести себя прилично, то есть культурно: не плевать и не сморкаться на глазах у людей. А коль уж сморкнулись, нос не руками вытирать, а беленькой тряпочкой, что находится в кармане у каждого. Дети послушно опускали ручки в свои кармашки, доставали тряпочки, показывали матери, и засовывали обратно.

– И вообще, – просили родители, – не бегайте как оглашенные и не задавайте глупые вопросы посторонним людям: – Зачем люди умирают, когда так некогда, – столько дел? И

¹³ Суббота

¹⁴ Традиционные еврейские лепёшки.

¹⁵ Еврейский Новый год.

¹⁶ Еврейская молитва, прославляющая святость имени Бога.

почему летом дни такие коротенькие. А куда днём прячется луна?.. Лучше молчите – сойдёте за умных.

Как все еврейские дети, младшие Гершели старшим особо не перечили, переминаясь с ноги на ногу, терпеливо выслушивали наставления.

После чего, отец вытирал соплю Семёну, и вскоре, семейство Гершелей чинно выходило из дома, направляясь в сторону синагоги.

И вот, привычно заложив руки за спину, не спеша, Лейб Гершель с гордым видом вышагивал впереди своего семейства. За ним, как и положено традициями любых религий – жена, и под её строгим надзором – дети.

Одно плохо... Иногда, после затяжных дождей, особенно поздней осенью, лужи в селе на всю ширину улицы преграждали путь семейной процессии и тут, веками рекомендованная семейная расстановка нарушалась. Лейб в растерянности останавливался перед естественной преградой. Тогда нарушая традиции, вперёд выступала супруга. Она сама снимала обувь, заставляла снять обувку детей, брала за руки двух сыновей, третий – старший, подставлял свою спину самой младшей сестричке, и все вместе они смело пересекали эту самую лужу. Не желавший мочить ноги глава семейства, осторожно крался по краю дороги, вдоль одного из заборов, перепрыгивая, словно кузнечик, с камня на камень.

Но такие семейные вылазки случались всё реже и реже: тревожное и опасное было то время.

По городам и сёлам всё чаще носились вооружённые банды, то там, то здесь устраивались еврейские погромы, отбиралось имущество, скот...

Но вот, как-то, в село попала московская газета «Беднота». И в этой газете, сельский грамотей из соседнего села Архип, прочитал, что некая еврейская организация, с согласия властей, приглашает евреев в Крым.

– Тама ить море, опять же – виноград, яблоки... Короче, рай!.. – уточнил Архип. – А кто хочет иль желает, сообщает газета, может взять себе кусочек крымской земли.

– О, как! – выпалил присутствующий на читке газеты, Лейб Гершель. – Нас приглашают! Уважают, значит!

Лейб хотел было уже развить на ходу придуманную версию уважения евреев, но его перебили.

– Хочет или желает, не один ли хрен? Объясни Архип, как это? – спросила одна из баб – Мария, разведёнка.

Архип почесал затылок, перечитал фразу, и не смог вразумительно объяснить.

– Дык это...

Все посмотрели на Гершеля.

И польщённый вниманием Лейб, изобразив на лице глубокомысленный вид, растягивая слова, дабы выиграть время, заговорил.

– Таки, шо тут думать, – ещё не придумав, что сказать, начал он. – Это, как его... У них – столичных, всё набекрень, таки я вам должен сказать. У нас проще! Ты Машка, коль желаешь – хоти, а нет, так чё желать-то. Напейся воды, и лягай спать.

Евреи задумались.

– А шо, и то, правда, – сказала Мария. – Какой ты, Лейб вумный, спасу нет. Чё твоя Руфка хвостом вертит? И то ей не так, и это... Я вот може тож мужика желаю – организм требует, а хотенье нет – привычка потому как! Уж сколько годов одна...

– Всё вы бабы на одно сводите. Тьфу... – не злобно отреагировал Архип.

Посидели сельчане, подумали, и порешили – повременить с Крымом-то.

А тут по сёлам прошёл слух, что и в Палестине евреи-крестьяне потребны.

Видя свою такую неожиданную популярность, сельские евреи приосанились. Они важно расправили плечи, кто до сих пор не носил головные уборы, нахлобучили на головы кипы,

достав их из сундуков. Да, и в походках евреев появилась важная поступь, в речах величавость. И некоторые евреи решились на переезд в Палестину.

И вот, распродав свой нехитрый скарб, кой какую живность и простившись с соседями, часть евреев потянулась на обетованные самим Господом земли – в Палестину. Остальные евреи не захотели идти в такую даль.

«Ежель что, лучше в Крым податься, слухов о массовых погромах евреев тама особливо не слышно, – решили они. – Таки, а как иначе?.. Бросить хозяйство?..»

Но совсем скоро в село с шумом, с пьяными выкриками и стрельбой ворвалась очередная банда «петлюровцев». Загрузив телеги награбленным нехитрым еврейским скарбом и живностью, особо активных евреев и сельсоветчиков, что не успели скрыться, бандиты увели к реке и, выстроив их на краю обрыва, расстреляли одних, шашками зарубили других.

Вот тогда и нерешительные сельчане-евреи решились покинуть беспокойные, да что там беспокойные – смертельно опасные места.

На разведку в Крым вскоре поехал с сыном и наш философ Лейб Гершель.

Всё выше по небосклону взбиралось солнце, от ночной росы по траве стелился лёгкий парок. Синее, безоблачное небо. День обещал быть тёплым.

Глухо стучат подковы животных на пыльной дороге. Две сонные клячи с нечесаными гривами и репейниками в хвостах, понуро и невозмутимо тащили по селу телегу с двумя мужиками и мальчишкой с иссиня-чёрными кудрями лет шести-семи безмятежно, спавшим на толстом слое сена, устилавшем дно повозки.

Заложив руки за голову, рядом с мальчишкой примостился один из мужиков, знакомый нам уже Лейб Гершель, другой мужик – Архип, это тот, что грамотный, расположился на месте возницы, и нехотя, лениво постёгивал лошадей вожжами.

«Дорога длинная, спешить некуда, чего зря животных мучить», – рассуждал Архип.

На куполе медленно проплывающей мимо сельской церквушки зазвучал колокол. Звенел он уныло и больше нагонял тоску, чем возвышенные думы о Боге. А тут ещё, как по команде, с громким лаем на дорогу выбежала свора деревенских собак. Но лаяли они как-то неохотно, видимо, больше для порядка, к тому же, хриплыми, простуженными голосами.

Естественно, лай не впечатлил лошадей. С той же невозмутимостью они продолжали медленно переставлять свои натруженные долгой дорогой ноги.

Но вот крайняя изба с покосившейся изгородью осталась позади: деревня закончилась. Облаяв телегу в последний раз, собаки успокоились и с чувством выполненного долга затрусили обратно.

Сразу за деревенской околицей под кроной старого дерева показался колодец, накрытый четырехскатной крышей.

Телега остановилась. Оба мужика вышли и, разминая свои затёкшие без движенья чресла, поспешили к колодцу. За ними с телеги спрыгнул заспанный мальчишка.

Посреди колодца на цепи, продетой через центр бревна, соединённого с деревянным колесом со штырьками для рук, висело широкое ведро. Чтобы ведро не полетело вниз, под колесом торчала подпорка.

Один из мужиков облокотился на сруб и заглянул вглубь.

– Дивись Сеня, якись глубокий колодец. Воды не видно, холодом и сыростью несёт як из могилы. Брр... – произнёс он.

Услышав слово «могила», мальчишка встрепенулся. Совсем недавно умерла бабка-соседка, у которой он в её огороде тырил огурцы и сладкий горох, а она, поймав как-то его на месте преступления, знатно отодрала за уши. И вот теперь, со слов отца, «упокоилась соседка вечным сном в могиле».

Из-за своего пока ещё малого роста увидеть загадочную могилу мальчишка не мог, а потому, он подобрал с земли камень побольше, хитрюще посмотрел на взрослых, и швырнул его в колодец.

– Просыпайся, бабка, неча спать, – злорадно прошептал пацан и, на всякий случай, – вдруг выскочит и опять надерёт ему уши, отбежал подальше от сруба. Но из «могилы» донёсся только шлепок и усиленный эхом звук всплеска. «Спит крепко, старая. Устала, поди, сильно», – решил мальчишка.

Погрозив ребёнку пальцем, один из мужиков убрал подставку из под колеса и ведро с шумом полетело вниз.

Утолив жажду, напоив лошадей и пополнив баклаги свежей водой, мужики продолжили свой путь. Мальчишка опять задремал.

Дорога покидала село и скучной лентой уходила куда-то вдаль, пока совсем не скрывалась за горизонтом.

Тщедушный возница-Архип, мужичонок в затасканном пиджачке, доставшемся видимо по наследству от отца, в красной, линялого цвета косоворотке, и на удивление в новеньком картузе на голове, с ленцой в голосе покрикивал на лошадей: – Ну чего плетётесь, ироды! Пошевеливай копытами!..

– Да не торопи ты их, Архип, – подал голос Лейб. – Таки мы не спешим. Пуцай плетутся. Путь не близкий...

В чёрной жилетке поверх парусиновой рубахи, с жидкими волосиками, торчащие из под кипы, кряжистый, со скуластым лицом и мощным носом, вырвавшись из под неусыпного контроля супруги, Лейб на «воле» не совсем соответствовал привычному образу представителя своей национальности: худого, с поникшим от жизненных тягот взглядом, и вечно жалующегося на свою нелёгкую, еврейскую жизнь. По большому счёту, Лейб был умным человеком, но совершенно не практичным во всём за что брался, к тому же, надо прибавить ещё его ленивость. Но – это дома. Вне его, Гершель являл собой тип довольно жизнерадостного, не унывающего человека, как уже говорилось ранее, был этаким деревенским философом.

Подбив под голову узел с нехитрыми пожитками, и задрав ногу на ногу, Лейб мечтательно проговорил: – Раньше-то, Архип, оно как было?

– Как? – равнодушно спросил Архип.

– Вот именно! А теперича шо?

– Шо? – переспросил Архип.

– Вот и я бачу, шо?

На этом разговор себя исчерпал.

Чуть далее, на косогоре, за селом, торчала ветряная мельница. От самого села, вдоль дороги, и слева и справа, простиралась земля уже с пожухлой травой, на которой топталось стадо тощих коров.

Унылый, однообразный ландшафт утомлял. Посматривая изредка на дорогу, Архип сонно клевал носом.

Телега катилась по пыльной дороге, распространяя вокруг себя запахи недавно набитого в колёса вонючего дёгтя и лошадиного пота. К тому же, труженица-телега тарахтела и скрипела всем, чем и должна скрипеть и греметь старая, тяжёлая повозка.

– Ты, Архип слышал, как моя баба лаялась со мной, провожая mine с тобою в Крым? – подал голос Гершель. – Я имел ей всего-то пару слов – она mine десять, я опять – культурно же, ты mine знаешь, – слово, она – все двадцать! А сама же шо сморчок супротив меня, и каркает и каркает, как злобная ворона! Говорила же мама моя: «Лейб, не бери жену из более богатого дома, чем твой – лаяться будешь всю жизнь». Таки нет, не послушал я маму.

– Да слышал, Лейб, ваш лай! Руфка твоя орала на всю улицу, что растоптал ты её красоту и молодость, бросил в яму нищеты, облохмотил и растерзал сердце. Дети голодные... Денег нет... Вечно вы ругаетесь...

– Как не ругаться Архипушка с такую бабою?.. Она сама с собой-то говорит, и то ссорится. Денег ей вечно не хватает. А не я ли корплю с иголкой цельными днями и по дворам хожу делать папиросы?.. Деньги небольшие, но верные. А Руфке всё мало. Выговаривает мне, мол, мы так бедны, что даже помои у нас чистые.

– Все они, бабы, одинаковы, из ребра нашего деланы! А гонору, гонору, куды там... – согласился Архип. – Спорить с ними – нерву тратить. Слухай, Лейб, а може, и права твоя Руфка. На кой хрен ты в Крым тащишься, да ещё хлопчика с собою тянешь? Думаешь, манна небесная тама? Прошлым годе я был в Крыму, в аккурат весной. Голодали тама, ой как голодали. Мрут и ваши – евреи, и татарва местная, и русские с хохлами, и немцы. Да, поди, и сейчас голодают. У нас-то получше было. Тилько вот банды житья не дают...

Архип почесал затылок, вздохнул, и продолжил.

– Некоторые из Крыма уже возвращаются. Видать не сладко тама. Чем тебе в селе у нас плохо? Шил ты портки, да платья разные... Одесса, Херсон рядом, к тому же... Рынки... Какой-никакой, а гешефт имел.

– А я скажу тебе Архип пару слов за мой интерес. Плохо вы хохлы нас, таки, знаете. Мы богом избранная нация!

Архип обернулся. – О, как?!.. Избранные, едрён корень! А чё же, вас евреев, бог-то из Рая попёр к нам на Землю, а?.. Тама тепло, сытно, поди... Ну и жили бы всласть...

– А вот и не попёр, а направил, дабы вас дураков уму-разуму на Земле учить.

– Учитель, едрён пень, нашёлся?!.. А бедный, тады, чё?..

– Я не бедный, у мене просто денег нема.

– Если в доме нету денег, привяжите к заду веник... – тихо, чтобы не слышал Лейб, прошептал Архип.

– Ты Архип не поверишь, но мене всегда хватало и без денег. Так учил ещё мой папа. А ещё папа говорил: – Дети мои, – умеете дружить. На просьбы знакомых и друзей не говорите никому нет, пусть и не помогут, но зачем расстраивать людей...

Папа был умным человеком. Всегда поучал: друзей счастливых предпочитайте несчастным, богатых – бедным. Отказывайте просящему в займы с любезностью – тут корысть двойная, – и деньги сохраните и получите удовольствие посмеяться над тем, кто желал вас обмануть. И, ежели, проситель умный человек, он поймёт вас и станет ещё больше уважать за то, что вы сумели отказать ему с благопристойностью. Плут – кто берёт, глуп – кто даёт.

– Ты, едрён конь, брал у меня в долг? Значится, я – глуп? А ты – плут? – возмутился Архип.

– Таки же папа не тебя учил... К вам хохлам и кацапам наши еврейские правила не подходят, – успокоил друга Лейб.

– А у нас – славян, говорят: память о богатых погибает вместе с ними; память о верных друзьях, хучь и бедных – не исчезает, живёт долго.

– Може, у вас и так... Чего уж там... И я тебя помнить долго буду...

– Типун тебе на язык, – и Архип поспешно перекрестился три раза. Затем ехидно спросил: – А шо, вы и родным не даёте в долг?

– Папа говорил: родным же и домашним помогайте не только деньгами, но и потом, кровью, честью. Помогайте всем, что имеете, не жалея самой жизни для благополучия рода, ибо помните, – Гершель устало откинул голову, прикрыл глаза и назидательно, тоном человека повидавшего многое на своём веку, закончил свои нравоучения: – Гораздо большая слава и прибыль человеку делать благо своим, нежели чужим.

– Во-во! Своим!.. Зато честно сказано. Это у вас национальная забава – со всеми только языком дружить, и в дружбе лихву искать, – не то задал вопрос, не то констатировал Архип.

Лейб насупился. Не найдя нужных слов для возражения, он брякнул: – Зато мы родителей своих почитаем поболее вашего, побираться по деревням стариков не посылаем – честь семьи бережём.

– Да какое это бесчестье – традиция православная. Предки наши делали, предки предков не гнушались... Нашёл чем корить.

Лейб не ответил, но и не стал дальше выдавать тайны еврейского воспитания, а перевёл разговор на другую тему.

– Нешто забыл ты, Архип, неурожай пару лет назад, а? Да ишо большевица продрозверстка... Чтоб ей сдохнуть!.. Бачил, какой голод был тады? Кое-как выжили, а кто помогал? – евреи из заморских краин.

– Поди, не бесплатно...

– Евреи, Архип, як братья, и коль один брат не будет чувствовать жалости к другому, то кто же проявит то сочувствие? На кого мы – евреи, должны полагаться? На вас, что ли, голодранцев? Вы ж нас ненавидите, жидами обзываете...

– Скажешь тоже – ненавидим... – недовольно пробурчал Архип. – Жидами, говоришь, обзываем... Ну, обзываем, и шо – не со зла, поди. А шо с голодухи мёрли... Так не только ж вы, а все. А года те неурожайными были. Забыл? Все мёрли от голода, и татары, и русские, и евреи... Проздрозверстка?!.. Не бреши. Её ж отменили – продналог теперича. Коль излишки завелись – продавай государству, хто мешает?

– Излишки?!.. Откудова они появятся?!.. Продналог?!.. Хрен-то редьки не слаще. И шас, шо – лучше? Нечего покласть в тарелку... – возразил Лейб Гершель. – Нет, вы мне, сосед, удивляете... А погромы и избиения евреев? Где защита?

– Так был же один ваш защитник – Мишка Япончик. В девятьсот пятом, кажись... Писали в газетах, в Одессе вас защищал, – позлорадствовал Архип.

– Таки я и говорю: евреи – братья! Этот Япончик – Мойша Винницкий, тогда ещё не шибко бандитствовал: слабых защищал. Да скурвился потом. А как не скурвиться... Голод... Разруха... Хохлы по углам шепчутся, мол, мы – евреи, виноваты во всём. А вы, «не жида», – хохлы и прочие, каким местом думаете, кады церкви громите и стреляете священников? Чем вы лучше этого самого Япончика? Только Мойша пистолетом грабил, а большевички – декретами и комиссарами.

Архип пожал плечами, и промолчал.

– Ага, молчишь! А говоришь, зачем в Крым ташусь.

Но тут Архип не выдержал.

– А вы – рожи еврейские, едрён корень, в стороне были, чи шо? То ж сопатка-то в крови. Комиссарша ваша Роза Залкинд¹⁷ кровушки попила, поди, знатно. Голытьба наша первая записалася в комиссары и комитеты бедноты. Излишки-то зерна они выкапывали у нас – работающих мужиков, а вы – евреи, анонимы куды надо строчили, потому как, грамоте обучены поболее нас. Болтаешь, Лейб, чего не попада... – раздражённо высказался Архип.

Затем помолчав, уже более миролюбиво, без злобы, добавил: – Мужик не должён выпихивать слова из себя, там, где на то надобности нету.

– Да что Роза?.. – вспыхнул Лейб. – Одна что ли?.. Как белых-то погнали, эти, как их – Мате Залка и Бела Кун, кажись, – венгры... Что творили в Крыму... – насупившись, выкрикнул Лейб. – Немцы в восемнадцатом того не делали. Жуть...

¹⁷ Розалия Самойловна Землячка (1876-1947). С 1919 по 1920 года, как представитель политотдела армии участвовала в репрессиях в Крыму.

На что Архип философски пробурчал: – Власть советка ишо не окрепла. Чё винить-то?.. Чё лаяться...

– Не имею сказать красиво, скажу по себе. Нема, Архип, здравого смысла у нас – человек. Поступаем, як Бог на душу положит. А почему?.. Слаб человек и жаден до крови! Ему волю тилько дай... таки стоко наворотит?!.. Наследники веками разгребать будут. Вот ты, Архип, хучь не нашей крови, а уши-то свои открой, да послухай. Говоришь, чё тащусь с малым дитёнком? Отвечу... Советка власть теперича обещает нам – евреям, жисть новую дать, землицы в Крыму отписать. Поди, тыщу лет евреи прав не имели землёй владеть, всё ждали землю обетованную нам Всевышним. А тута Господь сподобил советку власть и та дала таку возможность... Евреи поверили и ломанулися в Крым... Вот и меня позвали наши соседи в коммуну «Га-Мишмар¹⁸», говорят, недалече от Джанкоя. Я тебе так скажу. После кровавых банд в наших краях я, почитай, еду из последних. Многие-то в Палестину кады ещё уехали...

Архип обернулся и степенно, как человек бывалый, всё знающий, произнёс: – «Га-Мишмар»?.. Бывал там – знаю ту старую деревню. В трёх четырёх верстах от Кучук-Таганаша. Точно, там теперича живут евреи.

Он покачал головой и с сочувствием, добавил: – Однако, завидовать тебе Лейб, неча. Сиваш вокруг – гиблые места. Тама многие пыталися дело сладить... Ну, да коль землю дают, чё не попробовать! Побудешь, посмотришь, а не понравится, ездай подальше – под Евпаторию, найдёшь хутор Сукур-Кую, тама нынче поселилися евреи из житомержины. Я им дёготь вожу.

– Как ты говоришь?.. Сёкур...

– Сукур-Кую... С татарского – «слепой колодец», «сухой колодец». Татары так называют колодцы, из которых ушла вода. Може и ты пригодишься тама. Портной же... Не понравится тама, ездай в коммуну «Хаклай», тож не далеко от Евпатории. Да их много теперича в Крыму этих колоний. Вы же их называете «кибуц». Только везде трудно тама. Это тебе не Кривое Озеро, где земля словно пух, и воды вдоволь.

И чтобы совсем не огорчать соседа, успокоил: – Своя земля – это хорошо!

Лейб Гершель кивнул, слегка приподнялся, и рукой показал куда-то вдаль. – Красота!.. Природа она ить её и творит. Чтобы в природе не делалось – всё на земле красиво. Вона её землицы сколько, пахай – не хочу. Супруга моя, Руфа, быстро разберётся где поселиться.

Затем, глядя на сына, блаженно пускавшего пузыри из носа, он убрал от его лица несколько соломинок, и с грустью произнёс: – Спи Сёмочка, спи. Таки в жисть новую едем, набирайся сил. Оправдай поверье еврейское: «Сыновья – наследие Бога»! И довольный собой, Лейб опять завалился на свой узел.

– И в правду, чё ж не ехать, коль землю нам бесплатно раздают? Кады такое было? Буду на своей земле пахать и ораву свою кормить. Хватит иголкой руки тыкать.

– Ой, насмешил, Лейб! Пахарь мне нашёлся! Что-то я не видел вашего брата с сохой на поле. Коль и будет вам дадена земля, вы же наймёте нас – мужиков русских и хохлов на ней работать. Шо руки у вас растут откудова им надо расти и башка варит почище нашего – то верно, не спорю. Ремёслами всякими владеете. Для вас что главное? – лихва! Вы, ой как деньги любите! А земля?!.. Где земля, а где вы – евреи. Вам же главное – продать, купить, и снова продать. А земля-матушка, она терпения требует, пота и мазoley. Тута Лейб, парою слов не отвертишься и златом шибко не разживёшься.

– А кто ж денег не любит? Ты, Архип, хучь и грамотный, поди, не зря в Одессе учился, покуда родитель твой жив был, сам-то куды наострился, не на рынок ли в Джанкой? Дёгтем и солью загрузишься, живностью малой, ещё чем... И продашь потом в Симферополе – чем не гешефт? – ленивым голосом уколел Архипа Лейб.

¹⁸ Село Солёное озеро.

– Ты и зимой могёшь иглой тыкать и папироски набивать, а мне как?.. Я урожай-то собрал свой, продналог сдал, поди. Вот, теперича и время имею... – огрызнулся Архип.

Вскоре разговор опять на время затих. Монотонное тарыхтение телеги и духота клонили мужиков ко сну. Но тут, колесо телеги наехало на невесть откуда взявшийся на дорогах камень. Телегу накренило, и задремавший было Архип, едва не вывалился из телеги. Он чертыхнулся и вожжами огрел своих кобыл. – Тпру! Куды прёте, окаянные? Ослепли, чи шо?!..

Правая лошадь, лениво повернула голову, и остановилась. Остановилась и левая. Телега встала.

– Шо, обиделись, – миролюбиво пробурчал Архип. – Ладно, не буду больше – двигайте, чё уж там.

Телега дёрнулась, и затарыхтела дальше.

– А пахать-то, Лейб, чем будешь? Ты ж безлошадный! – не поворачиваясь в сторону товарища, как можно ехиднее произнёс Архип. – Али иголкой своей тыкать землю будешь?

И сам засмеялся, представив Лейба с иголкой на поле.

– Тёмный ты, Архип, хучь и грамотный. Газет не читаешь. А слышал про американские трактора, а?.. Трактор у меня будет. Им и пахать буду.

От такого бесстыжего вранья, Архип бросил вожжи и обернулся.

– Иди ты!.. Трактор?!.. На рынке за портки купишь?

– Как же – за портки?!.. – обиженно пробурчал Лейб. – Братья наши по крови – американцы, нам помогают. «Джойнт» кредит на закупку тракторов, иль чего там, даёт. Поди, и не слыхал про такую организацию. А я слыхивал, сосед из Симферополя приезжал, рассказывал.

– Кредит – что за чертовщина? В долг, что ли?

– Вроде того...

– А чего же в долг? Аль так не можно помочь? Где ихнее милосердие?

Прежде чем ответить Гершель задумался. Затем наставительно произнёс: – Не след благодетельствовать бедных и несчастных людей подачкой, какая бы она не была. Кто это вершит, ведёт себя не по нашим законам. Бедному человеку ты должён помочь, и не обидеть его, а блага свои передать в форме займа. И будет человек чувствовать себя не унижено. Тебе Архип того не понять.

– Говорил ужо, во всём вы – евреи, лихву ищите. А я бы не отказался и от подачки, да кто даст?

Словно что-то вспомнив, Архип вдруг задумался, затем произнёс: – Вот ты говоришь – трактор! Пахать будешь... А спроси меня, Лейб, почему я так привязан к земле?

Архип обернулся на Лейба. Тот кивнул ему, мол, давай – говори.

– Да, потому, что и у меня был папа, и мой папа учил меня босиком по земле за плугом ходить, шоб ноги мои касались энтой самой землички. Шоб я кажный камешек ноженьками ощущал, кажную калючку... И ел хлебушек, который выращивал собственными руками. Это словно младенец, сосущий молоко из материнской груди. Когда отец учил меня сеять, то прикладывал и мою ладонь к земле, шобы я ее почувствовал. Любовь к земле – это в крови, едрён корень, должна быть... В самой душе...

А трактор, что?.. Между мужиком и землей есть расстояние, и нет потому родства близкого. Сумлеваюсь я, Лейб, что пахать вы, евреи, сами станете. Ой, как сумлеваюсь...

– Ну, не знаю, Архип, не знаю. А може я за трактором босиком тож итить буду, – задумчиво произнёс Лейб. – А чё, привяжу вожжи куды надо, и дергать буду...

– Вот хохоту будет... Не смеши меня Лейб. Слухай, а что, правда, балакают, в Крыму евреям дозволят свою собственную страну иметь? А?!.. Врут, поди... В ваших же талмудах там разных написано, шо иудеям земля обещана только в Палестине. А тута – Крым?!..

– Ну, не знаю, как своё государство собственное, но, таки, ходют слухи. Мол, еврейскую волость в Крыму сделать. Чё и тащуся туды, – сразу став серьёзным, важно ответил он.

– А куды же из Крыма русских, хохлов, немчуру и татар девать? Особливо татар. Коль своё государство хотите, мусульмане – татарва, вам помеха будет. И их понять можно... Бог един, а пророки разные: у них – одни, у вас – другие. Как всем договориться? Поди, никак...

– Да уж... Без веры ни куды... – тяжело вздохнув, вставил Лейб.

– А ещё, татарам из Болгарии и Румынии дозволили с пожитками и семьями приезжать в Крым. Куды всех расталкивать?

– Дык, это... Нам, вроде, только северный край Крыма обещаются, – неуверенно произнёс Лейб. – А там, кто его знает... А куды татар?.. Так местов всем хватит, Крым большой! А религии... Разберёмся, Архип...

– Ихний мулла – муэдзин, на минарете своё орать будет, а тут церковь – наш поп с кадиллом и колокольным перезвоном... А тама – синагога ваша – раввины. Смехота!..

Лейб не ответил. Нахмурившись, он замолчал. Видимо, слова Архипа о пророках, застали его врасплох. «А коль, правда: и синагога, и церковь, и минареты... Кошмар!..», – недоумевал он. Но поразмыслив, успокоился. «Так мы же – евреи, поди отдельно будем жить, в своих волостях... Фу... Любят эти хохлы проблемы создавать». И Гершель успокоился.

Архип обратил внимание на речи Лейба. И даже несколько удивился тому, как чистокровный еврей разговаривал с ним – украинцем. Говорил Лейб без еврейского акцента и своих привычных еврейских, точнее даже – одесских, слов и выражений.

«Все на русский язык переходят, когда что-то важное нужно сказать», – решил он. Но подначивать своего товарища не стал.

– Говоришь, местов в Крыму всем хватит?.. – Архип обернулся. Лейб лежал с блаженной улыбкой на лице. – Коль так, – миролюбиво произнёс Архип, – Пушай тады на воду ваш, как его...

– «Джойнт», – догадавшись о ком речь, подсказал Лейб.

– Во-во! Тама, куды ты прёшься, земля засушливая, целина почитай... Вода нужна, и много. Денежки пушай и выкладывает на колодцы, и тянут издалеча воду. А вода... Поди, видели с тобой на какой глубине водится. Иначе, на кой хрен трахтара вам?

И снова разговор затих. И бесконечная степь, и полуденное солнце, и тёплый осенний воздух опять убаюкал мужиков.

Но вот, натянув вожжи, Архип произнёс полусонным голосом: Тпру... Стойте милые. Давай, новопредставленный пахарь, доставай баклагу. Вона, тама – под сеном, в ногах. Пора и перекусить.

Вытащив охапку сена из телеги, Архип разложил его перед лошадьми. – И вы перекусите родимые, путь не близкий!

Тёплое бессарабское вино, пахнущее солнцем и клопами, но такое приятное – несколько взбодрило обоих, а кусок сала с чёрной краюхой хлеба насытило одного – Архипа. Лейб, отломав от краюхи половину, дал её сыну, и оба захрустели огурцами.

– Ты, Сеня, не торопись, а то рот устанет, – толи в шутку, толи как совет, ласково произнёс Лейб. Полусонный отпрыск не отреагировал, жевал молча.

Подкормившись, мужики продолжили свой путь в светлое будущее, в Крым. Теперь уже Лейб Гершель сидел в неудобной позе с вожжами в руках. И вскоре, телега скрылась из виду...

Пока наши герои в пути, автору уместно рассказать об обстановке в Крыму в то тревожное время.

После революции среди евреев Российской империи стало набирать популярность движение Хе-Халуц¹⁹. На своей первой конференции в Петрограде в начале 1919-ого года делегаты

¹⁹ Хе-Халуц (первопроходец, пионер) – [сионистская](#) международная организация, целью которой была подготовка еврейской молодёжи к поселению в [Палестине](#).

этого движения решили создавать ячейки и сельскохозяйственные коммуны в России, Белоруссии и Украине. И дело пошло. Вот только гражданская война сдерживала этот энтузиазм.

Но в начале двадцатых годов гражданская война в Советской России постепенно стала стихать.

И в середине 1922-ого года на юге Украины и Крыму, как территории во время войны особо не отличавшейся еврейскими погромами, в северо-восточной части полуострова стали организовываться еврейские земледельческие коммуны, которых к 1923 году насчитывалось до полутора сотен. В них евреи-переселенцы приучались к тяжёлому труду земледельцев-крестьян, часть из которых намеревалась в последующем эмигрировать в Палестину.

Через какое-то время коммуны (кибуцы) стали делать первые успехи, одной из них была сельскохозяйственное поселение-коммуна Тель-Хай.

Вскоре, по разным причинам, эта коммуна разделилась на два хозяйства, и часть коммунаров основала под Джанкоем коммуны «Мишмар», а недалеко от Евпатории евреи-переселенцы из Житомира организовали колонию «Икор».

Коммуны работали и по началу не мешали немногочисленным в этих районах посёлкам с местными жителями. Трения начались позже...

В 1923 году в Москву из Америки приехал один из руководителей американской еврейской благотворительной организации «Джойнт» Джозеф Розен. Вместе с руководителем еврейской секции РКП(б) и единомышленником Юрия Ларина Абрамом Брагиным он предложил советскому правительству существующую уже идею автономии евреев в Крыму преобразовать в так называемый «Крымский проект». Цель проекта – создание на территории Советского Союза еврейской автономии, тем более, что положительный опыт осёдлости евреев на полуострове уже есть. Правда, Розен и Брагин замахнулись помимо Крыма, также и на земли южной степной полосы Украины и Черноморского побережья вплоть до границ Абхазии. Во как!

В район площадью более миллиона гектаров, для начала предполагалось переселить до полумиллиона евреев из западных областей Украины и Белоруссии.

Стремясь заинтересовать советских лидеров в своих предложениях, Розен заверил, что «Джойнт» при содействии американских и международных еврейских организаций сможет посодействовать Советскому Союзу в получении крупных кредитов и оказать давление на правительство США, до сих пор официально не признавшее СССР.

«Заманчивое предложение, конечно. Почему не расселить евреев на северо-восточных, мало населённых территориях Крыма, – подумали некоторые представители советской власти. – Одно плохо, – возразили другие, – проект и противозаконный, и опасный, поскольку в Крыму с 1921 года в составе РСФСР уже существовала Крымская автономная республика со своей конституцией».

И хотя республика официально не числилась татарской, но возглавлявшие её представители крымских татар, таковою считали. К тому же, советское правительство разрешило возвращаться на полуостров большому количеству татар-эмигрантов из Болгарии и Румынии.

Главным противником «Крымского проекта» выступил недавно ставший наркомом земледелия старый большевик Александр Петрович Смирнов.

Он и его соратники говорили: – Евреи – земледельцы?!.. Смеётесь, что ли?

На многих совещаниях в Москве они доказывали, что среди трёх миллионов евреев в России только очень небольшая группа – «Ну три, ну пять, но не более пяти процентов, хоть как-то связана с земледелием. Остальные – кустари одиночки, торговцы, музыканты, артисты и лица без определённых занятий, не приспособленные к курсу советского строя с его государственной торговлей и промышленностью. А потому – земля им мало что даст, кроме проблем с коренным населением»

«А вам известно, товарищи, – говорил Смирнов, – На юге Украины, около пяти миллионов крестьян, вообще, не имеют своей земли. А мы – большевики, им её обещали! Земля

евреям, это – зависть, и это будет способствовать росту антисемитизма и ненависти безземельных граждан, особенно татар, к переселенцам-евреям»

Так оно и получилось. Если к местным евреям, живущих на полуострове с давних времён, крымское население относилось относительно спокойно – привыкли, то переселенцев из других районов страны принимало «в штыки».

Противников «Крымского проекта» не слушали. Большое количество представителей еврейского общества в центральных органах власти принимали решения в пользу еврейских переселенцев.

«Куда селить евреев? – получив строгие указания, ломали голову крымско-татарские руководители. – В степных, северных районах уже проживает до пятнадцати тысяч крымских немцев. А этих куда?.. С огнём играем, – предостерегали и татарские руководители. – Всё это чревато превращением полуострова в крупный очаг этнической напряжённости. Нам это надо?», – говорили в правительстве Крыма.

В Москву летели депеши с несогласием. И некоторые члены центрального правительства, действительно опасаящиеся межнациональных волнений в регионе предполагаемого расселения евреев, к тому же, с вероисповеданием отличным от религии коренного населения – татар, не согласились с решениями центральной власти.

Ещё категоричней выступал Председатель ЦИК Крымской АССР татарин, Вели Ибраимов. Он, конечно, был против переселения евреев в Крым. К тому же, Ибраимов опасался, что помимо евреев на полуостров хлынут большие потоки русских, украинцев, белорусов, и Крым для татар, в конечном итоге, будет потерян навсегда.

Вели Ибраимов методично рассылал протестные петиции руководителям страны, и лично Сталину. Он писал даже в зарубежные еврейские организации, объясняя им о неправомерности подобных действий, что, в конечном итоге, привело его и сторонников, к печальным последствиям.

В крымско-татарской газете "Ени-Дунья» – «Новый мир», Вели Ибраимов писал:

«Центральные власти от нас требуют земли на переселение в Крым большого количества еврейских хозяйств. Но позвольте, товарищи, наши излишки не удовлетворяют даже внутренние нужды, а поэтому, крымское правительство считает невозможным удовлетворение данного требования».

В Крыму проживало в то время около ста восьмидесяти тысяч татар, – четверть населения полуострова. Представители национальной интеллигенции различной политической ориентации были едины в том, что Автономная Советская Социалистическая республика Крым должна стать национальной государственностью коренного народа – татар, соединённого с потомками татар-эмигрантов, покинувших полуостров после присоединения его к России в 1783 году и недавней революцией.

«И всех этих эмигрантов необходимо также наделить землей их предков. Не нужны нам в Крыму еврейские переселенцы», – выступали с трибун татарские депутаты.

Однако, в Москве думали иначе. Высшие советские руководители, члены Президиума ЦК РКП(б): Лев Бронштейн (Троцкий), Лев Розенфельд (Каменев), Герш Радомысльский (Зиновьев), Алексей Рыков, кандидат в члены Политбюро Николай Бухарин (жена еврейка), Председатель Госплана СССР Александр Цурюпа большинством голосов в феврале 1924 года одобрили проект американца Розена и Абрама Брагина, но ограничили территорию возможной автономизации, оставив для реализации проекта только Крым.

Это решение они мотивировали тем, что в Джанкойском и Евпаторийском районах Крыма, расположенных в северной – малонаселённой части полуострова, плотность населения была всего восемь человек на квадратный километр, что явно недостаточно для эффективного использования территорий. Поселение же евреев в этих районах благотворно скажется на более эффективном использовании степных, засушливых районов полуострова. Расселение

евреев в других районах Украины и Черноморского побережья, густо населённых коренными жителями, признано нецелесообразным.

Таким образом, руководство страны рассматривало два проекта: еврейский и крымско-татарский. Из двух проектов прагматичное правительство выбрало еврейский. И понять правительство было можно.

Ведь со слов специалистов на каждую десятину обезвоженной земли северных территорий Крыма для переселенцев любой национальности надо истратить минимум пару сотен рублей... Огромные деньги... Где их взять?.. – только за рубежом. Именно на обустройство евреев в Крыму охотнее всего выделяли средства зарубежные еврейские благотворительные организации.

Совсем не так просто обстояло дело с татарами. Помогать в нужных объёмах им было некому. Выделение из скудного бюджета страны не менее двух миллионов рублей, необходимых для переселения около двухсот тысяч иностранных граждан, которыми являлись проживавшие за рубежом крымские татары, в условиях бедственного положения собственных граждан было для молодого государства неприемлемо.

Ну, и надо честно сказать, немалую роль в этом вопросе играло и то, что советское руководство не горело желанием увеличивать численность крымских татар, традиционно ориентировавшихся на Турцию.

Тем не менее, окончательное решение о создании именно еврейской республики в Крыму так и не было принято.

Молодое государство СССР, крайне нуждался в кредитах со стороны зарубежных государств. А потому, и скорее всего, принимая решение о переселении в северный Крым еврейских граждан, пролетарское государство, таким образом, хотело поднять свой авторитет перед влиятельным еврейским населением в странах Европы и США. Именно эти вместе взятые факторы перевесили чашу весов в пользу «еврейского вопроса» в Крыму. Да и не лишним будет ещё раз напомнить, что в составе руководящих органов государства в то время было много граждан еврейской национальности.

Среди руководителей, принявших это решение, не было совсем недавно избранного на пост Генерального секретаря ЦК ВКП(б) грузина Иосифа Джугашвили²⁰, игравшего в руководстве страны в то время не самую главную роль. К тому же, этому грузину было не до переселения евреев в Крым, он использовал всю свою энергию на превращение партии большевиков в надёжную опору для только что созданного, но весьма неустойчивого в своей целостности, СССР. А ещё Сталин вместе с Зиновьевым и Львом Каменевым²¹ боролся за влияние в эшелонах власти со своим оппонентом Львом Троцким, настойчиво пропагандирующего идеи мировой революции.

Но оставим столицу с её вечной борьбой за власть и вернёмся в Крым...

²⁰ Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879-1953).

²¹ Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883-1936). Председатель Моссовета.

Крымские кибуцы. Колония «Икор»

Небольшие поселения в Крыму, как правило, располагаются на незначительном отдалении друг от друга. Мало ли что...

Вот и забытый со времён революции один из хуторов, что в шести-семи верстах на северо-запад от Евпатории, в начале двадцатых годов являл из себя заброшенное имение какого-то разорившегося помещика, выкупленное за долги богатым евпаторийским евреем, и о нём, сиротливо стоявшем в степи, словно все забыли.

Что можно было украсть – растащили жители соседних деревень, и теперь стены некогда добротно сложенного из местного камня-ракушки господского дома и различных хозяйственных построек, зияли чёрными пустотами выломанных оконных рам. Чувствуя себя полновластными хозяевами, по территории хутора лениво прохаживались дворовые собаки. От скуки перегавкиваясь, они, словно спрашивали друг у друга: «Кошек – тварей этих, не видел? Ну, если что, дай знать».

Как вдруг, этот сиротский хутор, помеченный на многих картах как село Сукур-Кую, на зависть всем соседним сёлам неожиданно приобрел популярность.

Чуть позже жители окрестных деревень узнали, что по просьбе некоей американской организации «Джойнт» власти разрешили евреям организовывать там свои земледельческие колонии, как они их называли – кибуцы.

После чего, на покрытом пылью чёрном автомобиле марки «Форд», в сопровождении милиционера и специалиста по воде на хутор прибыл представитель головного американского «Джойнта».

Специалист долго обследовал замусоренный колодец и, к удовольствию представителя, выдал положительное заключение о наличии достаточного объёма и качества воды в колодце, расположенного на территории имения. С учётом этого заключения представитель «Джойнта» нашёл хутор вполне пригодным для организации земледельческой колонии. И дело закрутилось...

Исполняя строгое указание Москвы, крымское правительство пусть и неохотно, но наделило колонию землей и выдало колонистам ссуду на десять лет для строительства жилья, покупки двух коров, двух лошадей и необходимого сельхозинвентаря.

Место было пустынным – степь, поросшая колючками. Обдуваемый пронизывающим до костей ветрами зимой и горячим суховеем летом, полуразрушенный каменный дом помещика без окон и дверей, поначалу производил грустное впечатление. Мрачную картину добавляла пара пристроек в том же состоянии и большой, с разрушенной крышей амбар. Гнетущее впечатление заброшенности производил сад, забытый сорной травой. Однако, прибывшие из города бригады рабочих за короткое время привели бывшее поместье в относительный порядок.

И вскоре, на хутор приехала группа людей, как оказалось, евреев из Житомира и его окрестностей. В одной из развалившихся построек переселенцы разместили привезённых с собой четырёх быков и единственную лошадь, там же сложили нехитрые орудия труда. После чего в зависимости от количества членов в семье по жребию распределили между собой наделы выделенной им земли.

Старшим колонии приезжие избрали пожилого еврея, по молодости работавшего учителем. Звали его – Абрам Ильич.

В короткий срок новоявленные члены колонии засеяли просо, кукурузу, картофель, арбузы, высадили огород и привели в порядок сад. Воду для полива вручную таскали из колодцев.

Первоначально спальных мест в доме и пристройках было ограничено, а потому, следующие партии граждан, прибывших из Одессы, Мелитополя и даже нанятые колонией строители из центральной России, временно жили в землянках.

Отдавая дань времени, прямо над входом в дом, переселенцы прибили плакат с надписями на иврите и русском языках: артель «Грядущий мир красных работников земли».

За отсутствием синагоги небольшой сарай в дальнем углу двора, поселенцы отвели для молитв. Абрам Ильич лично изготовил и закрепил на стене помещения плакат с витиеватой от руки надписью на иврите: «Мудростью строится дом и разумом утверждается. Да пошлет Всевышний избавителя для собирания изгнанников Израиля».

Худенькая, небольшого росточка девочка десяти-двенадцати лет, прочитав по слогам текст на плакате, удивлённо, с некоторой грустью, задала дяде Абраму вопрос, рукой показывая на окрестности: – Таки, это есть земля наша боженькой дарованная?

«Дарёному коню...», – хотел было ответить Абрам Ильич, но не ответил, промолчал.

Собравшимся вокруг него единоверцам, он пояснил.

– Давно-давно, може тысячу лет назад, а може и поболее, в благосвященном крымском Херсонесе откопали мраморную доску с этой вот записью на нашем – древнем еврейском языке. Отсюда, что вытекает?..

Старый учитель поднял вверх палец, посмотрел на девочку, на притихших соплеменников, стоявших рядом...

– Таки, мы здесь давно?.. – радостно перебил его один из мужиков. – Эти поцы – татары, пришли после нас! Хорошенькое дело! Таки надо внести ясность – чей полуостров?

Девочка захлопала в ладошки.

Абрам Ильич важно погладил бороду, обвёл всех взглядом и продолжил.

– Таки, да! Почему нет? Выходит, что еврейские общины, куда входили познавшие идиш хазары, жили в Крыму и во глубине тёмных веков, ещё до монголов и татар и турок.

Разглядев удивлённые лица людей, Абрам Ильич поспешил добавить.

– Конечно, друзья мои, прямых доказательств тем фактам нет... Пока, нет! А вот, что известно наверняка, так это то, что после распада Золотой Орды, о ней я вам сказывал ранее, примерно около пятисот лет назад в Крыму образовалось крымское ханство, главная крепость которого имела название Чуфут-Кале.

Привлекая внимание к важности сказанного, Абрам Ильич опять поднял вверх палец. – Так вот, с крымско-татарского языка, Чуфут-Кале означает «еврейская крепость», и в самой столице ханства жила еврейская община. В этой общине жил учёный Авраам Кирими. Он известен, как мы с вами знаем, комментариями к Торе²², законами которой живёт наш народ. Нужны ещё доказательства, друзья мои, что мы на полуострове не гости...

– Ну вот, ну вот, – едва не плача, произнесла девочка: – Таки, эта Зинка лопнет от зависти, что и у нас будет своя земля.

Она посмотрела на взрослых, и топнув ножкой, добавила: – И пусть лопнет. Таки, задаваться не будет.

Стоявшие рядом взрослые рассмеялись.

– Господь милостив, он опять стал собирать нас – детей своих, на эти священные крымские земли, – прошептала за спиной учителя пожилая еврейка, прижимая к себе мальчика лет семи-восьми, стоящим на деревянном ящике.

– Хорошие слова сказала ты Дойра, – громко произнёс Абрам Ильич. – Не гости мы на этой земле крымской...

Абрам Ильич, сам не зная почему, но не стал уточнять, кем являются евреи на крымской земле: обычными переселенцами, ищущих безопасное пристанище, временными гостями,

²² В широком смысле, совокупность иудейского традиционного религиозного закона.

которых в любой момент могут попросить покинуть дом, или... Учитель побоялся даже для себя произнести это сладкое слово – хозяева.

Скрыв за непредвиденной паузой своё смущение, он попросил мальчика сойти с ящика. Нагнувшись, открыл его. Затем достал оттуда тяжёлый, обмотанный материей свёрток и торжественно развернул. Это была вылитая из цветного металла Менора²³. После чего с таким же благоговением он достал из ящика большой рог – Шовар²⁴.

– Не за горами сентябрь, наш праздник Рош ха-Шана, и пусть затрубит наш Шовар в новолуние на Новый год, побуждая нас через девять дней приготовиться ко дню Искупления. Священные звуки Шофара принесут нам покой и счастье на этой, ногами предков наших исхоженной земле.

Позже, на видном месте – на широком крыльце дома, замаячил оцинкованный бачок с прикованной к нему цепью железной кружкой. А над бачком висел, почему-то только на русском языке, плакат: «Пей только кипячёную воду!». А чуть далее от забора, огораживающего усадьбу, в землю был врыт невысокий деревянный столб и тоже с прибитой к нему надписью: «Колония «Икор»²⁵.

Застучали молотки, задымились кострища. По вечерам из поселения под аккомпанемент скрипки раздавались заунывные еврейские песни, больше смахивающих на причитания солдаток провожающих мужей на войну. Но и эти звуки звучали недолго, спать ложились рано. В пять утра колония просыпалась, и через час полусонные люди шли на работу.

Колонисты работали от зари до темна, зная прекрасно, что помочь им в холодные месяцы будет некому.

Из соседних сёл – татарского и немецкого, мимо имения шла немногочисленная, чаще пустынная дорога в Евпаторию.

С приходом евреев дорога ожила: по ней потянулся гужевой, реже автомобильный транспорт с камнем-ракушкой из Сакских карьеров, стройматериалами с железнодорожной станции, и просто – пешие сельчане, идущие в Евпаторию по делам.

Через какое-то время в поселении уже числилось до сорока дворов с населением до полутора сотни колонистов, из которых русских и украинцев было только девять человек. Теперь попасть в «Икор» было не просто: брали не всех, а строго по необходимости и только для обеспечения жизнедеятельности колонии.

Ну вот, некоторую информацию об одной из еврейских колоний в Крыму, читатели вы узнали. Теперь не грех рассказать и о наших героях, направившихся, как мы помним, в коммуну «Мишмар», но позже очутившихся в этой самой колонии «Икор».

Побыв в коммуне «Мишмар» непродолжительное время, Лейб Гершель, как и говорил его знакомый Архип, убедился в сложной ситуации, связанной с отсутствием в должном объёме воды, засоленности почвы и прочих проблем. Он понял, что его благоверная супруга Руфа точно не одобрит его решения обосноваться на этом месте и, наверняка, поднимет вселенский крик среди коммунаров. Ему стало так жалко своих трудолюбивых соплеменников, уговаривающих его перевезти семью, но не знавших бурный и склочный характер его супруги, что Лейб поклонился всем коммунарам, попросил у них прощения, и с оказией, отбыл с сыном Сенькой искать счастья в эту, ставшей известной, колонию «Икор».

Взяли его туда не сразу. Многим колонистам не понравилось, что Гершель без особых причин, на их взгляд, покинул коммуну Мишмар. И уже было хотели отказать в приёме, но выступил старший колонии Абрам Ильич, разумно рассудив, что у Лейба, помимо дочери имеется три сына, что для колонии весьма важно. Да, к тому же, сам претендент – портной. И оба

²³ Семиствольный светильник (семисвечник).

²⁴ Еврейский ритуальный духовой музыкальный инструмент, сделанный из рога животного.

²⁵ «Земледелец» (иврит).

эти факта решили исход дела в пользу Гершеля. Ему с сыном временно выделили небольшую комнатку, надел земли и небольшой участок для строительства собственного дома. Семён стал ходить в школу, оборудованную в одном из сараев. Лейб занялся портняжным делом.

Вскоре, в колонию пришло известие, что в счёт кредита «Джойнта» крымские власти выделили колонии «Икор» три трактора марки «Ватербойм», но их надо срочно перегнать из Евпатории.

Колонисты стали решать, кто возьмёт на себя смелость перегнать дорогущую технику. Дело новое, опасное – никто не хотел рисковать. После долгих уговоров двое согласились, третий колонист ещё колебался.

Но тут, присутствующий на собрании Гершель, вспомнил о «тракторе», на котором он собирался пахать, вспомнил насмешку Архипа по этому случаю, и не смог удержаться. Он заговорил.

– Други, мои! Таки я был у Москве, – начал врать Лейб, – где у мово сродственника цельных, – тут он на секунду задумался, решая, какое количество назвать, но думал недолго. Тряхнув головой, решил не скромничать: – тоже три «трактара» у хозяйстве. Наездился, скажу я вам... Опосля все кости болели...

– От чего, Лейб, – поинтересовался один из мужиков.

– От чего, от чего... Лейб не знал, от чего могут болеть кости при управлении «трактором», а потому, важно произнёс: – От переживаний, от чего же ишо. «Трактор» – он же дорогущий, поди... А ну как, поломаю... Так что, не сумлевайтесь, опыт ужо маю, приведу вам железного коняку в добром здравии.

Мужики почесали затылки и согласились доверить новичку сие ответственное дело.

Рано утром следующего дня, только-только забрежил рассвет, все трое мужиков сидели в телеге, управляемой Абрамом Ильичом.

Уже часам к девяти утра «икоровцы» были на месте. Рабочий день на станции уже начался и был в полном разгаре. Мимо колонистов с папками и без них, а то просто с бумажками в руках, деловито сновали люди. Шум, крик, неразбериха...

Напротив железнодорожной платформы, рядом с открытыми настежь воротами пакгауза колонисты увидели трактора, выкрашенные в сочный оранжевый цвет. Возле них стояли люди.

Какой-то крупной комплекции мужик с мешком в руках влез на трактор и, боясь оставить мешок без присмотра, вместе с ним пытался усесться в узкое кресло для водителя. С хитрющими лицами подле другого трактора крутилось несколько пацанов, пытавшихся хоть что-нибудь свинтить с этого «железного коня», ну – испортить, на крайний случай. Стоявшие рядом взрослые им не мешали, а с корзиной в руках женщина даже совет дала одному из мальчишек: – Милок, вона камешек возьми, да тюкни... Капиталисты, ишь понаставили тут, и похваляются...

Услышав совет ненавистницы капитализма, наши колонисты выпрыгнули из телеги и с ходу рванули к своей «собственности».

Лейб согнал с трактора мужика с мешком и сам уселся в кресло между двумя колёсами, и теперь уже на правах хозяина, с важным видом отгонял шибко назойливых граждан. Двое других колониста оседлали остальные два трактора и тихо сидели, боясь притронуться к непонятным ручкам и рычагам. Приутих и Лейб. Разглядывая рычаги, «пимпочки» всякие, он, как-то, сник, заробел, и чего греха таить, уже пожалел о своём вранье.

Подогнав к тракторам поближе телегу, Абрам Ильич с нескрываемым трепетом стал рассматривать этих монстров, не решаясь их потрогать.

Не прошло и десяти-пятнадцати минут, как из пакгауза вышел молодой парень в новеньком синем комбинезоне с непонятной надписью и эмблемой на груди. В руках он держал большой баул. Странно посмотрев на усевшихся в трактора бедно одетых мужиков в еврейских шапочках – кипах, он лениво произнёс: – Шо, вы от «Икора»? Кто старший? Я инструктор.

Судя по направлению его взгляда, он обращался к Лейбу, и тот, приосанившись, уж было хотел ответить, однако, следующая фраза человека в комбинезоне Гершеля удивила.

– Я тебя паря спрашиваю, – и человек махнул в сторону крайнего от Лейба колониста. И тут только Лейб обратил внимание, что парень безбожно косит. Смотрит в одну сторону, а видит другую. Лейб взял и озорно, слегка помахал ему рукой... И точно, парень его не видел.

– И шо так и будем сидеть? Кто старший, спрашиваю? Нехай в контору идёт, бумаги оформит.

– Я старшой, – за его спиной ответил Абрам Ильич. Он тут же достал из-за пазухи свёрток с нужными бумагами и засеменял в сторону конторы.

– А вы, – куда-то в сторону махнул инструктор рукой, – скучкуйтесь и слушайте меня. Кто из вас раньше управлял этими махинами?

Оба колониста показали на Гершеля.

Инструктор хмыкнул: – А на каких фирмах... На «Ватербоймах» или на «Фордсонах»?

Лейб скривился, как-то неопределённо кивнул, но промолчал.

– Вот и ладненько... – не стал уточнять инструктор. – Тады долго объяснять вам не треба, расскажу коротко. Слушайте сюды.

Инструктор стал показывать новоявленным трактористам куда и как заливать «горючку», как заводить и останавливать трактор, как поворачивать, куда цеплять плуг...

Лейб слушал инструктора невнимательно. Он мысленно уже представлял себе, как на глазах колонистов, встречающих колонну у околицы, он первым въедет в село... Овации, улыбки... А там глядишь, и качать будут... Жалко Архип всего этого видеть не будет...

Закончив инструктаж, инструктор достал из своего баула три больших пакета и, сфокусировав свой взгляд и слегка прицелившись, положил их на кресло одного из тракторов.

– Здесь инструкции на английском языке, кой какой струмент, и подарки.

Затем он открыл пакеты и, на зависть окружавших трактора мальчишек, вытащил оттуда синие комбинезоны. – Вот, можете одевать.

Разглядев счастливые лица колонистов, парень поднял руку и пафосно, смешливо, произнёс: – Я вас умоляю, не надо, не надо оваций, граждане евреи. Фирма, шо эти трактора делает, таки, дарит их вам, провалиться мне на этом месте.

После чего зыркнув на прощание в сторону поселенцев своими бельмами, пожелав удачи, попрощался, и не спеша направился в пакгауз.

Вскоре вернулся довольный Абрам Ильич. Он помахал бумагами и гордо произнёс: – По коням! Заводись!

Колонисты почти одновременно стали с силой дёргать за тросы, раскручивая двигатели. И вот, двигатели чихнули раз, чихнули два, и на третий – громко затарахтев и выпустив клубы чёрной копоти, запустились. Мальчишки радостно завопили.

Оглушительно гремя, оранжевая колонна из трёх «адских машин» и телеги, запряжённой лошадью, в окружении ватаги городских пацанов осторожно выехала на улицы Евпатории. Толпы горожан и гостей города с любопытством разглядывали необычное зрелище.

Крики... Приветствия... И даже букет полевых цветов полетел в последний трактор, в котором восседал Гершель. Лейб был счастлив.

Трясаясь от сильной вибрации в тракторных креслах, евреи-колонисты, словно на параде грозной боевой техники, отвечали восторженной публике робкими взмахами своих мозолистых рук.

Выехав за пределы города, колонна направилась в сторону своего хутора. Телега вскоре отстала и скрылась из виду. В «Икор» трактора добрались благополучно.

Смельчаков ждали. Едва слышав непривычный грохот, дети побросали занятия в школе и выбежали на улицу. Бросив свои дела, у околицы выстроились и не занятые в полях взрослые.

Как и мечтал Лейб, так всё и получилось. Околица... Радостные лица соплеменников... Восторженные крики детей...

Он попытался надавить на газ, чтобы обогнать товарищей, но не смог – трактора шли на предельных скоростях. Вот два впереди идущих трактора остановились, оставляя рядом место для Лейба.

С трудом разогнув онемевшую от дикой тряски спину, Лейб встал с кресла, важно поднял для приветствия руку, прокричал приветствие своим соплеменникам, и хотел было эффектно остановиться, как вдруг к ужасу своему, забыл какую «пимпочку» нужно повернуть для остановки двигателя. Лейб судорожно стал крутить все ручки и давить на рычаги, отчего его трактор взревел ещё сильнее, ещё больше затрясся, но останавливаться вовсе не собирался. Прогрохотав мимо односельчан, трактор понёсся в степь за село.

Надавив на поворотные рычаги, горе-водитель с трудом развернул взбесившегося «железного коня», направив его обратно.

Издалека он увидел хохочущих людей, и те руками показывали в его сторону.

И тут наш герой нашёл выход. Лейб принял гордую позу, напоминающую где-то виденную картинку с Наполеоном. Надвинул на самый лоб кипу, одну руку положил на потрескавшийся от времени ремень, вторую небрежно, якобы для приветствия, вытянул вперёд. Так и остался стоять.

Проскакивая колонистов, Гершель вальяжно помахал им рукой.

Тут он почему-то вспомнил, что рассказывал Абрам Ильич про итальянца Цезаря.

– Икоровцы, сограждане, друзья, – заорал он. – Меня своим вниманьем удостоите, не восхвалять я Цезаря пришел, но лишь пригнал я трактор на подмогу вам...

Его крик души из-за грохота никто не разобрал. И Лейб опять понёсся вдаль.

Глядя на торчащую вдали фигуру Гершеля с поднятой рукой, которую тот забыл опустить, зрители покатывались со смеху, а ничего не понимающая детвора и подростки, визжали от восторга.

– Во даёт, Гершель... Таки прямо Наполеон перед битвой верхом на железном коне, – давясь от смеха, выкрикнул Абрам Ильич. – Ну, держись Цезарь!

Трактор сделал ещё две ходки туда и обратно и, наконец, метров за пятьдесят до стоянки, заглох: в баке закончилась «горючка».

С тех пор Лейбу дали кличку Цезарь.

В череде дней изнуряющего труда, колонисты об этом случае совсем скоро забыли, тяжёлая жизнь потекла своим чередом. Гершель, наконец-то, перевёз семью.

С появлением тракторов колонисты стали готовить вспашку почвы и посев озимой пшеницы.

Трудились все с большим энтузиазмом: выезжали на поля с первыми лучами солнца и работали дотемна. Хозяйство у каждого жителя колонии постепенно разрасталось, появились излишки молока, яиц, творога, мяса, фруктов и овощей. Всё это с удовольствием покупали санатории, коих в Евпатории было достаточно.

В связи с торговлей собственной продукцией, колонисты сообща построили молочный пункт, а приёмщицей назначили супругу Лейба, платя ей одну копейку с литра молока.

У всех семей появились деньги, и каждый смог покупать одежду и расширять свое хозяйство. Голод и нужда отступили. Впервые мадам Гершель была довольна.

Первая выставка

В Москве стояла изнуряющая своим безветрием духота. Нещадно палило солнце.

На юго-западе столицы, на высоком правом берегу излучины Москва-реки, где ещё в XIX веке среди оврагов и густой растительности располагалась деревня Воробьёво²⁶, расположилась территория первой в СССР сельскохозяйственной выставки.

На церемонии торжественного открытия мероприятия присутствовали представители правительства, в том числе, народный комиссар просвещения Анатолий Васильевич Луначарский.

Глядя на массу людей собравшихся у сбитой по такому случаю из досок сцены, украшенной транспарантами и гирляндами из живых цветов, нарком – старый большевик, волновался: как-никак, а первая выставка в стране рабочих и крестьян.

Открывая мероприятие, комиссар просвещения произнёс пламенную речь о пользе подобных мероприятий, не забыв напомнить людям о гидре мировой буржуазии, пытающейся с потрохами сожрать Советский Союз. Однако, из-за духоты, эмоциональная речь его была не слишком утомительной для истекающих потом, людей.

После Луначарского стали выступать коллеги из других ведомств. Ораторов было много, некоторые говорили подолгу, нисколько не заботясь о людях, стоявших под палящим солнцем. Народ слушал терпеливо, выкрикивая в нужные моменты одобрительные слова и громко хлопая.

Потные от духоты, организаторы и гости стояли в тени навеса сцены и пили воду из кружки, привязанной шпагатом к большому алюминиевому бачку.

Недалеко от сцены находился фонтан. На небольшом постаменте, вверх взметнулась огромная, раскрашенная в нежно голубой цвет рыбина с выпученными от удивления глазами на барахтающуюся вокруг себя детвору. Из пасти этого монстра высоко вверх била струя воды. На высоте четырёх пяти метров струя рассыпалась на тысячу мелких брызг и под визг детворы с шумом обрушивалась на их головы.

Радостный смех и восторженные крики ребятни заглушал духовой оркестр, развлекавший публику.

Припав губами к раскалённым медным мундштукам, надувая щёки и раздувая грудь, также обливаясь потом, музыканты выдували бравурные марши и в длинных паузах с тоской поглядывали на фонтан.

Пространство в районе сцены и фонтана было увешано поникшими от безветрия красными флагами, сморщенными транспарантами, призывающие к доблестному труду, и прочей наглядной агитацией. Посреди этой кумачёвой «агитки» выделялся большой красочный плакат с изображением крепкого тела счастливой труженицы села с красной косынкой на голове, и эта счастивица держала в одной руке листок с рекордными показателями надоев, другой рукой она умудрялась крепко обнимать голову бурёнки. Рядом с плакатом коровы, видимо, для массовости, организаторы выставки поставили трактор «Фордсон», изготовленный на заводе «Красный Путиловец» по лицензии американской фирмы «Форд».

Незлотно отгоняя назойливых любопытных, пытающихся влезть в кресло тракториста, возле этого чуда техники важно прохаживался представитель завода.

Напротив этих двух примечательностей стояла тренога с фотоаппаратом. Фотограф – аккуратненький, щупленький старичок в толстовке и соломенной шляпе с широкими полями, уставшим, скрипучим голосом призывал толпившихся возле трактора людей за очень низкую плату (с его слов) оставить свой след в истории, то есть – сфотографироваться.

²⁶ Воробьёвы горы (совр).

Слышны были приглушённое ржание лошадей, детский визг, громкий говор, смех взрослых и звуки гармошек...

Воскресный день. Многолюдно, шумно, весело. У посетителей выставки приподнятое настроение... То там, то здесь у стендов и прилавков с выставленными образцами продукции возникают стихийные митинги. Ораторы – простые труженики, пытаются перекричать шум, выкрикивали в толпу какие-то призывы и в подтверждение своей правоты кулаками били себя в грудь. Из-за гвалта и звуков оркестровых маршей их речи мало кто слышал, но желающих выступить с импровизированных трибун, всё-равно, было много.

И вдруг, от центральных ворот вглубь территории покотился мощный гул, который с каждой секундой всё усиливался и усиливался, пока не дошёл до апогея – грома оваций. В сопровождении группы новоявленных чиновников на территории выставки появился вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин. Рядом с ним, поддерживая Ильича под локоть с одной стороны, шёл организатор и директор выставки Абрам Брагин²⁷, по другую – Луначарский. За ними следовал архитектор Щусев, который, пытаясь перекричать шум толпы что-то говорил народному комиссару просвещения, но, видимо, из-за гвалта тот не слышал и недовольно отмахивался от назойливого архитектора.

Ильич был бледен. Шёл медленно, с трудом. Его осунувшееся от продолжительной болезни лицо прорезали глубокие морщины, нос заострился, щёки впали. Трудно было узнать Ленина. И только знакомая бородка и взгляд – острый, пронзительный, оставался прежним – ленинским, узнаваемым.

Глядя на плотное кольцо окружавших его людей, Владимир Ильич пытался говорить, но из-за шума и воплей радостных людей большая часть из которых его видела впервые, слов вождя не было слышно.

Проходя вдоль стендов, Ленин изредка задавал вопросы организаторам выставки, выслушивал крестьян, и шёл дальше. Но вот Владимир Ильич остановился у стендов еврейского павильона, на котором висел кумачовый транспарант с надписью: «Привет Москве от крымских евреев».

– И это всё вы изготовили и вырастили в Северном Крыму? – рукой показывая на образцы продукции, картавя, удивлённо спросил Ильич у одного из мужиков с кипой, стоявшего рядом со стендами.

– А почему нет? – на вопрос вопросом уклончиво, но гордо, ответил тот. – Вы, Владимир Ильич, не сумлевайтесь. Евреи – трудолюбивый народ. Нам, поди, дай волю, пустыню превратим в Рай!

Ленин повернул голову к Брагину и с той же гордостью, что еврей-крестьянин, тихо проговорил: – А я, батенька, ещё в 1919 году говорил о целесообразности еврейской автономии. Позвольте вас уверить, что и из еврейских граждан могут получаться советские труженики земли, и потому непременно надо создавать места для их постоянного проживания. Вот вы товарищ Брагин вместе с товарищем Лариным предложили создать в северном Крыму еврейскую автономию, и были правы, поздравляю!

– Как они умудрились вырастить сие, удивляюсь! Северный Крым – он же малопригоден для выращивания сельскохозяйственной продукции, Владимир Ильич. Там же с водой совсем плохо, солёное озеро рядом – Сиваш, – неуверенно возразил Луначарский.

– Ну, и что, Анатолий Васильевич?.. А вы сомневались... А смотрите-ка?.. – Ильич показал на горы овощей и фруктов. – Вырастили же, так ведь, товарищ? – обратился Ленин опять к тому же мужику. – Голубчик, вас-то как звать-величать?

²⁷ Брагин Абрам Григорьевич (1893-1938). Общественный и политический деятель. Расстрелян.

– Лейб Гершель меня звать, Владимир Ильич. Таки мы тама воду провели, колодцев набурили. Мы как прослышали, что землю евреям нарезают в Крыму, таки сразу, ишо два года назад, переехали тудой.

– И правильно! Сие, голубчик, дело архиважное. Кормить и одевать надо советских людей. А как с местным населением – ладите?

Лейб не стал расстраивать больного Ильича рассказами о неприязни с местным населением, особенно с татарами. Зачем знать Ленину, что татары и погромы, и пожары еврейских построек устраивают, и поезда разворачивают с переселенцами...

– Всяк бывает, товарищ Ленин, – уклончиво ответил Гершель. – Главное – фрукта и овощ растёт, мануфактуру налаживаем, цеха там разные строим... Нам американские друзья помогают. «Джойнт», поди, слышали о нём, – поглядывая на столпившихся подле Ленина своих единоверцев, авторитетно сообщил Ильичу Лейб Гершель. – Не сумлевайтесь, товарищ Ленин, – евреи не подведут советску власть. Чай понятие имеем – трудно нонче ей.

– Да, товарищ Гершель, именно так – трудно нам пока, – нахмурился Ленин. – А еврейские товарищи из Америки помогают нам уже несколько лет, понимают, как трудно молодой стране рабочих и крестьян.

Но тут же, хитро улыбнувшись, громко, насколько позволял больной организм, копируя Гершеля, добавил: – И вы не сумлевайтесь товарищ Гершель, – выстоит советка власть. Обязательно выстоит!

Владимир Ильич подал Гершелю сухонькую руку, и Гершель осторожно её пожал. Ленин пошёл дальше.

Лейб недовольно посмотрел по сторонам в поисках сына.

– Где чертёнка носит, – пробормотал он.

Наконец, увидев его – мокрого после купания в фонтане, укоризненно проворчал: – Сенечка, как ты умудряешься не быть там, где быть надо? Мог бы парюю слов обменяться с большим человеком. Таки от тебя не убудет, а человеку приятно.

Выслушивая отца, Семё – за эти годы подросший и окрепший, хлюпал носом, отжимал на себе мокрые трусы и порывался юркнуть за перегородку.

– Брось этих глупостей, Семён! И перестань мокнуть нос... Нет, глядите на него... Папа делает разговор с сурьёзными людьми, а сын – оболтус, с детьми малыми полощется у фонтанх. А, коли, простудишься?!.. Как учиться будешь у Москве?

Сене надоели причитания отца. Шмыгнув носом, он скрылся за перегородкой.

– Лейб, я имею интерес спросить. А таки твой сын останется в Москве? – с нотками зависти поинтересовался у Гершеля, стоявший рядом односельчанин.

Лейб развёл руки в сторону. – Таки да... Но я вас умоляю?!.. Знаю, шо от этого буду иметь одну головную боль и траты.

– Ну, и как столица?!.. – не унимался любопытный сосед.

– Я вас умоляю. И шо можно знать за Москву её не видя, – Гершель огорчённо пожал плечами.

– А как же... – мужик удивлённо показал в сторону, скрывшего за перегородкой, Семёна.

– Брательника супруги, дай ему здоровья, бог не удостоил милостью своей – бездетный он. У Москве сродственник бо-ль-шой человек. Сенечка у него останется, учиться будет...

– И где?

– Таки, ты не поверишь, – в бывшей гимназии, шо стоит в каком то Мерзляковском переулоче. Ей теперь имя другое дадено – школа номер 10 имени Ф. Нансена. Сенечка будет языки иностранные тама изучать. Кто такой этот Ф. Нансен – не ведаю, но сродственник говорит – лучшее бурса у Москве.

– И чё, евреев туды принимают? – с нескрываеомой завистью спросил сосед.

– Таки, я тебе так скажу! Да, принимают. У Москве, что слышал от этого самого родственника мово, куды не зайди, говорит он, – кругом наши. В магазинах – наши, в конторах тоже. И что тоже факт, отношение к нам – евреям, – уважительное, чего нет к другим просителям, а к русским – даже грубое. Евреям у Москве все двери открыты. Как тут не отдать сына в учёбу? А тама, глядишь, и дочка в столице пристроится. А старшие пусть у доме работают.

– Таки почему, Лейб, тебе не соблюсти нашу еврейскую традицию – не отдать Сеню на музыку? А как из него выйдет вундеркинд? Сколько гордости будет за родителей!

– Вот и родственник о том же. Советска власть весьма то приветствует, говорит он.

– Послушать твоего родича, Лейб, так, поди, большевицку власть своей – еврейской, считать могём, – пробурчал односельчанин.

– Таки да! Почему нет? Нам на власть молиться надо.

– Где – на улице?

– Я тебя умоляю... У Москве аж две синагоги: молись себе. Я разумею...

Шум толпы заглушил последние слова Лейба. Выкрикивая здравицы в честь вождя и не забывая про общие лозунги, толпа провожала своего вождя.

Уставший от такой длительной для себя прогулки, Ленин шёл медленно, с частыми остановками, и вскоре уехал.

Через пять месяцев – в январе 1924 года, Владимир Ильич Ленин скончался.

Процесс пошёл

Успехи еврейских коммун в Крыму обратили на себя ещё более пристальное внимание американского «Джойнта». По договорённости с правительством СССР, в целях дальнейшего землеустройства евреев в России, в июле 1924 года «Джойнт» учредил в Москве крупную еврейскую агрономическую корпорацию «Агро-Джойнт», которую возглавил уже известный нам, агроном по профессии – доктор Джозеф Розен. От имени теперь уже официальной организации, доктор пообещал выделить на нужды еврейских переселенцев пятнадцать миллионов американских долларов, но взамен потребовал прекращения гонений на сионизм и иудаизм в СССР. Власти пообещали, и в декабре 1924 «Агро-Джойнт» подписал первый договор с финансовыми обязательствами со стороны американского «Джойнта».

Забегая вперёд, надо отметить, что этот договор был продлён дважды – в декабре 1927 года на три года, и феврале 1929 года продлён ещё раз, и сразу на пятнадцать лет.

По условиям договорённости с советским правительством «Агро-Джойнт» освобождался от всех существовавших на то время налогов. Служащие этой организации пользовались всеми правами служащих советских государственных учреждений. Несмотря на внутренние экономические трудности эти льготные условия соблюдались до 1938 года. Под давлением Москвы земли для еврейских поселенцев отводились правительством Крыма и отдавались им в постоянное трудовое пользование.

Совет Народных Комиссаров СССР разрешил «Агро-Джойнту» самостоятельно проводить организационную и финансовую работу по созданию еврейских сельскохозяйственных коммун на всей территории государства, включая Крым.

Как бы то ни было, учитывая первые успехи хозяйственной деятельности еврейского населения в Крыму, комиссия ЦИК СССР и Политбюро ЦК ВКП(б) в марте 1926 года приняла важное решение, которое в своей постановляющей части гласило:

«Держать курс на возможность организации автономной еврейской единицы в Крыму при благоприятных результатах переселения».

Конкретного решения о создании в Крыму еврейской автономной области, тем более, республики, не было. Однако, к этому всё шло.

Но тут вмешались представители крымских татар, которые были не согласны и с такой формулировкой комиссии.

Под давлением татарской общественности и руководителей полуострова в июле того же года комиссия внесла изменения в текст решения, где теперь уже говорилось: «...при благоприятных результатах переселения и при полном учете потребностей татарского и прочего крымского населения».

Такое решение усложняло дальнейший процесс автономизации евреев. К тому же, одновременно с еврейским переселением, власти предусматривали переселение в степные районы полуострова жителей из малоземельных и густонаселенных горных и предгорных районов Крыма. Кроме того, чтобы не давать повода для антисемитских толков на бытовом уровне, типа: «Для евреев – Крым, а русским – Нарым», предусматривалось также расселение на территории полуострова крестьянских хозяйств, прибывших извне Крыма.

Чтобы как-то сгладить межэтнические разногласия в Крыму, власти приняли в июле 1926 года ещё одно решение, связанное с переселением евреев: «параллельно с практической работой по северному Крыму, исследовать вопрос о возможности создания, кроме того, массива на Алтае, послав туда в советском порядке компетентную комиссию». Так начался поиск территорий для евреев, который закончится выбором Биробиджана. Однако, это будет не скоро – в 1934 году.

Несмотря на трудности, политика правительства СССР в отношении евреев дала свои положительные результаты. В том же, 1926 году, из США в СССР приехал сам руководитель еврейской организации «Джойнт» Джеймс Розенберг. В результате его встреч с руководителями страны была достигнута договоренность об ускорении финансирования «Джойнтом» мероприятий, связанных с переселением евреев Украины и Белоруссии в Крымскую АССР. Вскоре и французское еврейское общество, а также и другие зарубежные организации стали оказывать финансовую помощь евреям страны Советов. Переселенческий поток евреев на территорию Крыма увеличился, что потребовало дополнительных структур, обеспечивающих распределение переселенцев по местам их проживания и дальнейшей им помощи. Для этих целей, Президиум Совета Национальностей ЦИК СССР совместно с «Агро-Джойнтом» создал еврейские организации «Комзет»²⁸ и «Озет».

И вот уже в середине 1926 года этими организациями было принято решение за ближайшие десять лет переселить в СССР до ста тысяч еврейских семей, причём в первые три года – до двадцати тысяч. Основной поток переселения еврейских семей направлялся на территорию Крымской АССР.

Как ни парадоксально звучала мысль о возможности создания в Крыму некоей еврейской Палестины, она действительно стала постепенно воплощаться в жизнь.

Председатель Президиума [ЦИК СССР Михаил Калинин](#) в споре с противниками еврейской автономии в Крыму, выступил в её поддержку. Через газету «Известия», он сообщил:

«...лишь евреи, расплётённые среди других национальностей не имеют свою автономию, хотя их общая численность в СССР доходит до трёх миллионов, что даёт им право на это».

Добавило реальности еврейской автономии и заявление первого народного комиссара иностранных дел СССР Чичерина на его встрече в Берлине с представителями еврейских деловых кругов о том, что правительство СССР «весьма серьёзно относится к предложению ряда еврейских товарищей, поддерживаемых «Джойнтом», создать на советском крымском полуострове автономное еврейское государство».

Удивительно, но все эти высказывания руководителей СССР, а главное, реальные шаги в деле переселения евреев в Крым, действительно подняли авторитет молодой страны Советов и сыграли важную роль в развёртывании в США и некоторых странах Европы мощной пропагандистской кампании за реализацию так называемого «Крымского проекта».

Однако, враждебность между еврейскими переселенцами и крымским населением усиливалась. У жителей полуострова, особенно татар, к тому были веские причины недовольства: евреи получали бесплатно землю, иностранные и частично отечественные кредиты под минимальный процент, американскую сельхозтехнику, семена и породистый скот, а крымчанам такие привилегии правительством страны оказывались в крайне урезанном виде.

Недовольство крымского населения возросло после выхода в газете «Красный Крым» статьи, в которой были опубликованы выступление одного из представителя центральной власти. На конференции в Симферополе он говорил:

«Мы стремимся создать сплошную земельную площадь с автономией в перспективе не для концентрации всемирного еврейства, а в целях устройства на земле Крыма евреев проживающих в СССР».

Другими словами, создавались предпосылки расселения еврейских семей теперь уже не только в северном Крыму, а по всему полуострову. И это, как раз, на фоне переезда в Крым татар из Турции, Болгарии, Румынии и других мест, которых также необходимо было наделить землей.

Несмотря на то, что к октябрю 1927 года суммарное количество татарских, русских и украинских переселенцев превысило число еврейских, Юрий Ларин убедил руководство

²⁸ Комитет по земельному устройству трудящихся евреев.

страны, что настало время для организации, хотя бы в северной части Крыма, еврейских национальных районов с делопроизводством на русском и еврейском языках. Но Ларин не включил туда татарский язык...

Отсутствие татарского языка и официальное признание чисто еврейских национальных районов, встретили яростное сопротивление руководителей Крымской АССР и, прежде всего, Вели Ибраимова²⁹. Татарский лидер понимал, что большое количество евреев, создание еврейских районов и отсутствие на этих территориях татарского языка, станет предпосылкой к постепенному вытеснению татар с полуострова.

К недопущению этого решения один из соратников Вели Ибраимова на собрании татар в своём выступлении привёл пример Палестины. Он сказал, что если в 1800 году население Палестины составляло триста тысяч, из которых всего пять тысяч были евреи – совсем малый процент по отношению к коренным жителям – арабам, то через несколько десятков лет евреев стало уже около тридцати тысяч, а в наше время – около ста. Мало того, восклицал он, из-за всплеска антисемитизма в Польше и Венгрии, эта цифра постоянно растёт.

Из зала оратору возразили:

– Зато переселенцы-евреи осушили в Палестине болота Изреэльской долины и долины Хефер, что до них никто смог сделать. И как результат – эта арабская территория стала пригодной для сельского хозяйства. Что плохого?

Граждане, сидящие на передних рядах, с любопытством повернули головы в сторону говорившего.

– В этом нет, конечно, ничего плохого, но это частности, – без особого энтузиазма возразил соратник Ибраимова. – Но не забывайте, товарищи, из-за столкновений евреев с арабами на землях Палестины постоянно идут распри и бунты, и часто льётся кровь. Вот вам пример. В мае 1921 года арабы напали на евреев, проживающих в городе Яффа. Они учинили кровавый погром, а затем эти погромы перекинулись на другие населённые пункты Палестины. Всё это мы видим и на нашей крымской земле. Нам нужно это?

Из зала опять раздался тот же голос.

– Вы забыли сказать, что, в связи с этим, контролирующая территорию англичане разрешили евреям создать свою полицию, а ещё сняли ограничения на въезд еврейских граждан на территорию Палестины. А арабам наоборот – запретили бесконтрольную эмиграцию. А у нас так не получится? Евреи станут вооружаться...

В зале зашумели.

Оратор не смутился.

– Правильно говорит товарищ. Тогда я скажу больше. Англичане пошли ещё дальше. В 1917 году они опубликовали, так называемую декларацию Бальфура³⁰, в которой содержалось обещание евреям создать в Палестине «национальный очаг для еврейского народа». И чего добились?.. Тем самым, усилили ещё большую вражду между арабами и евреями. Правительство Великобритании через пять лет вынуждено было три четверти контролируемой ими территории отдать под отдельный эмират Трансиорданию³¹. Слышали о такой территории?

Зал ответил молчанием, но с самой галёрки донёсся голос.

– Так и в Крыму будет, точно вам говорю.

Докладчик одобрительно посмотрел в сторону галёрки.

– И действительно! Нам – коренным жителям Крыма – татарам, трудно согласиться с переселением на полуостров народа другого вероисповедания ещё и потому, что еврейские

²⁹ Председатель ЦИК Крымской АССР.

³⁰ Конфискация земли палестинцев, для организации еврейского государства.

³¹ Впоследствии Королевство Иордания.

граждане признают обещанную им христианским богом территорию Палестины своим отечеством и мечтают беспрерывно о возвращении в обетованную землю...

– Неправду говорите, совсем неправду, – снова донёсся уже знакомый, но взволнованный, голос из зала. – Евреи всегда протестовали против такого мнения. Они словом и делом доказывали и доказывают, что духовная, религиозная связь их с Палестиной нисколько не препятствует им считать своим отечеством ту страну, в которой родились, с которой их связывают общие интересы, судьбы, общее горе и радости.

В зале постепенно стал нарастать шум. Чтобы разрядить обстановку, докладчик, добродушно улыбаясь, поднял вверх руки.

– Может и так, не спору. Но... – нахмурившись, и придав голосу грозные нотки, он воскликнул: – Где гарантия, что с крымскими татарами, как с арабами, не произойдёт подобного? С приходом еврейских переселенцев мы, в конечном итоге, лишимся своей земли...

Недовольство татар в Крыму усилилось. На территории полуострова появились военизированные группы из местных татар.

Эти группировки устроили на полуострове настоящий террор против еврейских переселенцев. Из Москвы шли грозные указания принять самые жёсткие меры против вооружённых столкновений на полуострове. Крымская служба госбезопасности не без основания подозревала в скрытой организации разбоя против евреев главного татарского коммуниста Вели Ибраимова.

Конфликт между крымскими властями и Москвой разрастался.

Обеспокоенный развитием событий, Ларин направил письмо Сталину, в котором обвинил председателя ЦИК Крыма Ибраимова «в возбуждении полутемных татарских масс».

Чтобы прекратить разногласия и беспорядки в конце января 1928 года под давлением центральной власти внеочередная сессия ЦИК Крымской АССР постановила снять Вели Ибраимова с поста Председателя ЦИК, а в феврале, он и группа активистов крымско-татарского «Общества содействия переселению и расселению татар», были арестованы. Следствие по делу выявило, что, помимо участия Ибраимова якобы в каком-то убийстве, он и часть активных татар были ещё и участниками татарской националистической партии «Милли Фирка»³², проводившей в Крыму, со слов органов безопасности, «вредную политику выпячивания национальных интересов в ущерб классовых». В апреле-мае того же года Ибраимов и часть его сторонников были осуждены и расстреляны. Остальные арестованные получили длительные тюремные сроки. Погромы еврейских поселений несколько затихли.

За критику непродуманной, вредной коллективизации в стране, приведшей к голодору, участи Ибраимова в январе 1933 года не избежал и член ЦК партии, бывший нарком земледелия (как мы помним, противник переселения евреев в Крым) Александр Смирнов. На пленуме его вывели из состава ЦК, где он значился под 53-м номером, (Сталин имел номер 54), и через пять лет он был расстрелян.

Забегая вперёд, надо отметить, что в 1958 году Смирнов был реабилитирован, а в мае 1990 года Крымской прокуратурой реабилитированы были и Вели Ибраимов, и его ближайшие соратники. Приговор Верховного суда РСФСР от 28 апреля 1928 года об их расстреле отменён. В последующие года по материалам судебного дела было установлено, что татарская «Милли Фирка» какую-либо вооружённую борьбу против советской власти не вела. Но об этом станет известно только через несколько десятков лет...

А мы вернёмся в тридцатые года.

После ареста Ибраимова и его соратников, волнения татар в Крыму несколько притихли.

³² «Национальная партия» – с 1917 года политическая партия крымских татар.

Юрий Ларин, как и предрекали лидеры крымских татар, выступил с предложением по созданию автономной Еврейской республики в составе РСФСР, в чём его полностью поддержали и американский «Джойнт», и еврейские организации «Комзет» и «Озет».

Однако, в стране уже началась «чистка» партийных рядов и властных структур. Старые кадры, в том числе и евреи, постепенно удалялись от руководства страной, многие репрессировались, а потому, однозначного решения о создании автономной Еврейской республики в Крыму центральные власти СССР опять так и не приняли.

Мы знаем, что Соединённые Штаты Америки вплоть до 1933 года официально не признавали Советского Союза, возникшего в результате государственного переворота в 1917 году. Это продолжало очень беспокоить правительство СССР, а потому, не издав официального постановления о еврейской автономии, в обмен на улучшения дипотношений с США, в августе 1928 года Президиум ВЦИК СССР выделил «Агро-Джойнту» дополнительные крымские территории для заселения пятнадцати тысяч еврейских семей.

Под залог выделенной земли в объёме 375-и тысяч гектаров, как уже сообщалось выше, с конца 1924 и по 1929 год, «Агро-Джойнт» выдал правительству РСФСР заём в девять миллионов долларов на пятнадцать лет под пять процентов годовых с началом погашения кредита с 1945 по 1954 год включительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.